Т
Э 94

Эфрос Н.

Театр
„Летучая мышь"

П., 1918

85

2ii
2-xcy

24998

17708

Т
Э94

2
кеб

ТЕАТРЪ
„ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ“
Н. Ф. БАЛІЕВА.

24928

Обзоръ десятилѣтней художественной работы
перваго русскаго театра-кабарэ.

Текстъ Н. Е. ЭФРОСА.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
НЕ ВЫДАЕТСЯ.

1918.

49.

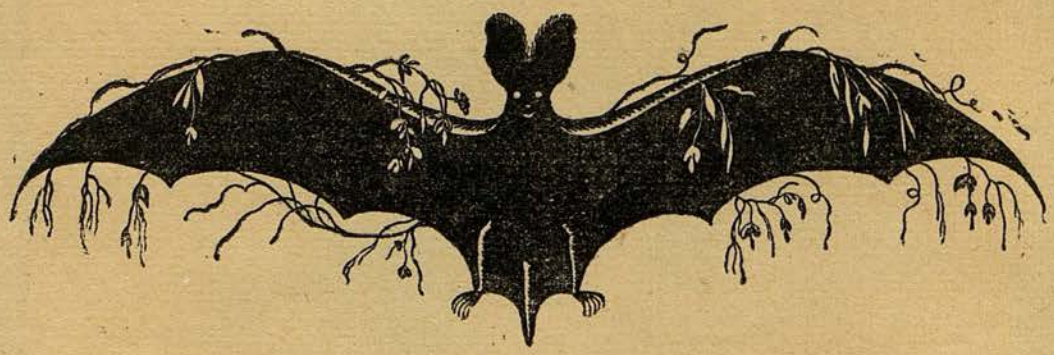
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
при АК. МАЛОМ ТЕАТРЕ

Приобретено
из собраний
С. Д. Заславского

Г.Т.Б. № 17708
58

Печатано въ художественныхъ мастерскихъ
журнала
„Солнце Россіи“.
Петроградъ, Сайкинъ пер., соб. д. 6.

Инвен. № 5717



Всѣ снимки и портреты—работы
худож. свѣт. М. А. Сахарова и
П. Орлова (Москва).

Никита Ѳедоровичъ

БАЛІЕВЪ

Основатель и директоръ театра «Летучая Мышь».

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Десять лѣтъ назадъ, въ день «высокоснаго» преподобнаго Кассіана, затворника и столпника печерскаго, подъ низкими подвальными сводами большого хмураго дома, гдѣ-то по близости Москвы-рѣки, начала жить «Летучая Мышь». Весело затрепыхала граціозными крылышками. А въ ихъ «мягкихъ складкахъ притаился, — писалъ одинъ петроградскій театральный критикъ,—милый, добрый, крохотный эльфъ и улыбается, дразнитъ насъ языкомъ, шаловливо грозитъ пальцемъ и, лукаво прищуривъ глазки, приглашаетъ увлечься его игрою».

Кассіанъ оказался хорошимъ патрономъ. Москва, а за нею многіе другіе русскіе города не замкнули своего слуха, охотно отозвались на веселое эльфово приглашеніе и легко увлеклись этой игрою. Немного прошло времени, и храмъ десятой музы,—незнаемой Элладою и потому оставшейся безымянною, музы «маленькихъ искусствъ», Klein Künste, какъ называютъ нѣмцы, — завоевалъ адептовъ, вѣрныхъ друзей и горячихъ поклонниковъ, окружился признаніемъ и большими симпатіями, одѣлся популярностью. Стала «Летучая Мышь» одною изъ нашихъ художественно-театральныхъ достопримѣчательностей. Ими издавна горда Москва. Когда-то она, отстаивая свое театральное первородство, побѣдоносно называла Малый театръ, обвѣянный благороднымъ щепкинскимъ духомъ, пропитанный животворными щепкинскими традиціями. Позднѣе стала называть рядомъ съ домомъ Щепкина прекрасный домъ Станиславскаго. Теперь склонна еще прибавить, хотя и оставляя на нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи, маленькій «домъ Баліева», на которомъ лежитъ тонкій от-

Я. М. Волковъ.

блескъ бѣлыхъ крылъ Чайки. «Онъ могъ построиться такимъ только въ Москвѣ», — не разъ говорили выразители ея театральнаго патріотизма.

Юбилейный срокъ вызвалъ мысль объ «юбилейномъ» изданіи. Правда, десять лѣтъ — не историческій періодъ времени, даже и не настоящій юбилейный срокъ. Но у «маленькихъ искусствъ» — и маленькая исторія, укороченные сроки. Тутъ вѣдь все миніатюрно, и минуты — вмѣсто часовъ. И потомъ, за немногіе годы твореніе Баліева, — этого счастливаго правнука Табурэна и внука Рудольфа Салиса, «жантильома - кабаретье» изъ Chat Noir, — успѣло продѣлать довольно сложную эволюцію, почти совершенно перемѣнило свои внѣшнія формы, хотя и сохранило въ неприкосновенности свою первоначальную стихію красиваго смѣха и нѣжной ироніи. Заря «Летучей Мыши», первая игра ея крыльевъ уже кажутся такимъ далекимъ прошлымъ, стали вывѣтривающимся воспоминаніемъ. Предлагаемыя страницы хотятъ оживить и закрѣпить эти воспомнинанія, въ которыхъ столько милаго, разсказать въ немногихъ главныхъ чертахъ біографію «Летучей Мыши».

Есть ли у нея будущее? Что ждетъ ее даже въ ближайшіе дни? Выживетъ ли она среди бушующихъ теперь бурь, или онѣ сметутъ съ нея всю золотую пыль художественнаго аристократизма и сдѣлаютъ ея дальнѣйшую жизнь унылою, ненужною и невозможною? Русскому театру вообще предстоятъ, повидимому, очень крупныя и существенныя измѣненія. Врядъ-ли ему жить впредь по-старому. Онъ вѣдь уже давно былъ въ «кризисѣ», и не разъ было вѣрно отмѣчено, что этотъ театральный кризисъ въ значительной мѣрѣ—только отраженіе и слѣдствіе кризиса болѣе общаго, кризиса всего того, что можно обозначить, какъ дореволюціонную, запутавшуюся въ трагическихъ, непримиримыхъ противорѣчіяхъ культуру. Какимъ выйдетъ русскій театръ изъ великихъ революціонныхъ бурь, отъ которыхъ зашатались, точно сорвались съ основанія, весь укладъ жизни и вся психика,—въ конецъ ли истощеннымъ, распадающимся или, напротивъ, напоеннымъ новыми соками, обогащеннымъ новыми плѣнительными возможностями,—не здѣсь, конечно, разбирать. Во всякомъ случаѣ, какіе-то новые загораются горизонты. Театру не сохраниться въ старой неизмѣнности, если онъ не желаетъ быть анахронизмомъ и ненужностью. Кто знаетъ, можетъ быть, одною изъ жертвъ общетеатральнаго переустройства, которое выразится отнюдь не только въ большомъ расширеніи кад-

Н. Ф. Баліевъ.

ровъ зрителей, въ измѣненіи физіономіи театральныхъ залъ,— падетъ или переродится и пріютъ десятой музы. «Летучая Мышь» во всякомъ случаѣ заслужила отъ тѣхъ, для которыхъ жила, чтобы не исчезнуть совсѣмъ безъ слѣдовъ, въ полномъ забвеніи. Она стоитъ того, чтобы эти красивые слѣды получили хотя нѣкоторое закрѣпленіе.

Сдѣлать это—задача очерка, который лежитъ теперь передъ читателемъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

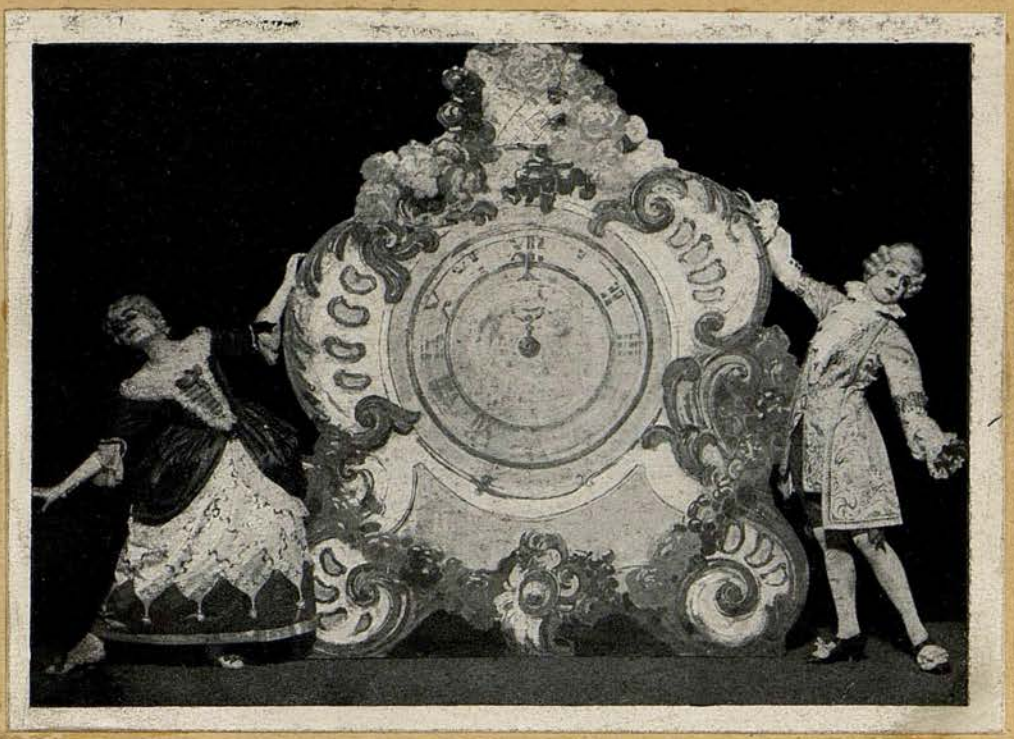
Въ сѣмени заключено съ предопредѣляющею силою все будущее растеніе, стройность его стебля, гармоничная сложность построенія цвѣтка и нѣжная прелесть окраски его тонкихъ лепестковъ. Приблизительно такъ уже была заключена будущая «Летучая Мышь» со всѣми ея возможностями, потомъ осуществленными въ процессѣ развитія, въ томъ «зародышѣ», въ томъ веселомъ, беззаботномъ начинаніи, свидѣтелями котораго были спустившіеся позднимъ вечеромъ 29 февраля 1908 г. въ тѣсный, слабо освѣщенный и скромно украшенный подвалъ дома Перцова, противъ Храма Спасителя. Но начиналась «Летучая Мышь» безъ сколько-нибудь ясныхъ расчетовъ на такое будущее. Въ тѣхъ, которые стояли со смѣющимися лицами у ея колыбели, не было ни широкихъ плановъ, ни смѣлыхъ предвидѣній и горделивыхъ предчувствій. Не было такихъ предвидѣній у хозяевъ, не было ихъ и у немногочисленныхъ гостей, записывавшихъ свои имена на листахъ громадной книги съ черными изображеніями летучаго звѣрька, давшаго свое имя затѣѣ нѣсколькихъ актеровъ Художественнаго театра и близкихъ этому театру лицъ. Перспективы раскрылись лишь позднѣе.

«Летучая Мышь» устраивалась отнюдь не какъ театръ, хотя бы и самый миніатюрный, безъ расчета на публику. Напротивъ, скорѣе съ расчетомъ на отсутствіе публики, посторонняго зрителя, въ желаніи отъединиться отъ него, получше укрыться отъ его стѣсняющихъ глазъ. Существуетъ или существовалъ взглядъ, что актеръ проигрываетъ отъ внѣтеатральнаго сближенія съ публикой; должна она, въ интересахъ силы театральнаго воздѣйствія, порѣже видѣть Гамлетовъ и Чацкихъ въ будничной обстановкѣ. Иначе слабѣетъ иллюзія и развѣивается сила очарованія насъ возвышающаго сценическаго обмана. Такъ приблизительно думали въ ту пору и въ Художественномъ театрѣ. Такъ, разсказываютъ, думалъ и его пер-

Н. А. Хоткевичъ.

«Гирлянды».

По картинѣ Ватто.

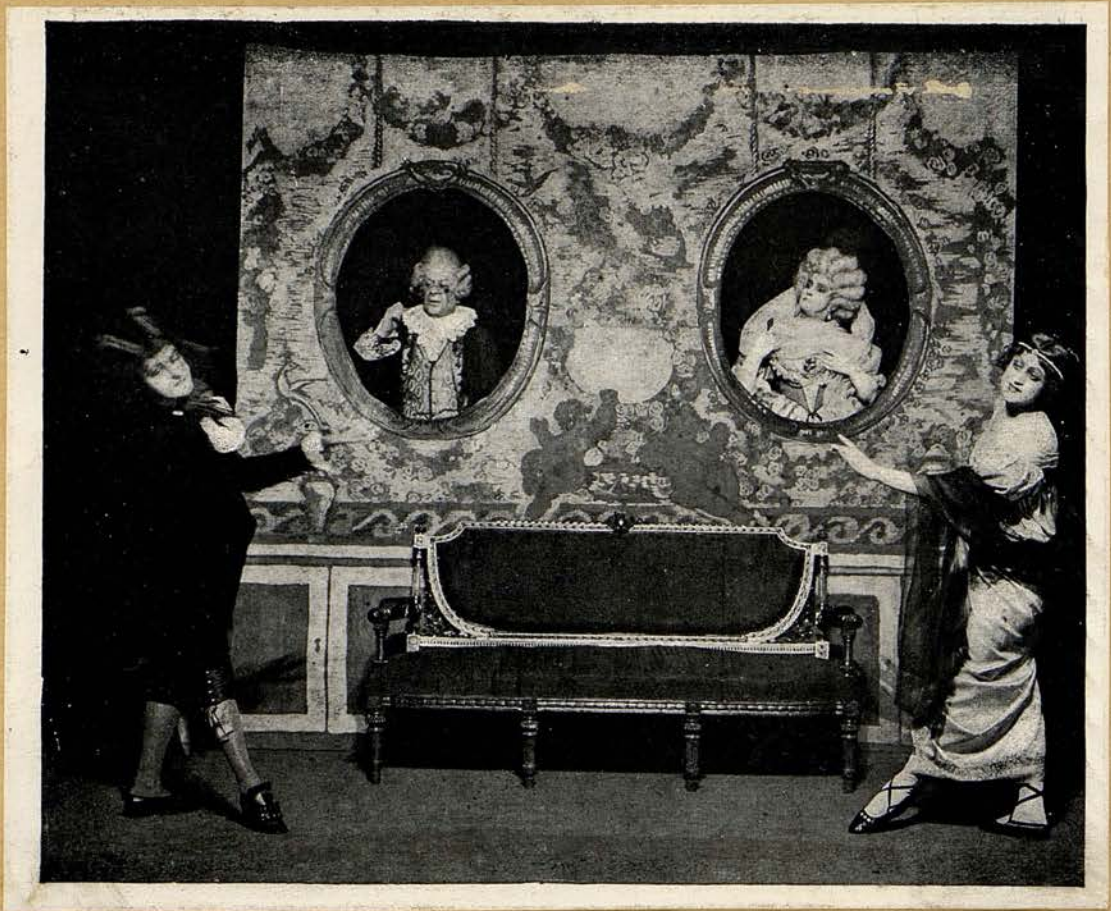


«Часы». Изъ коллекціи французскаго фарфора.

Участницы: Т. Оганесова, В. Селиверстова.

вый вождь и вдохновитель, К. С. Станиславскій. Это былъ не какой-нибудь антидемократическій страхъ смѣшаться съ толпою, это было излишне ревнивое отношеніе къ миссіи актера. И сложилась мысль устроиться особнякомъ для часовъ веселаго досуга и отдыха въ укромномъ уголкѣ, закрытомъ для посторонняго.

«Летучая Мышь» проектировалась, какъ интимный кружокъ, какъ уютное мѣстечко для взаимнаго увеселенія и забавы актеровъ Художественнаго театра въ послѣспектакльные часы. Сюда будутъ съѣзжаться для отдыха, но и въ отдыхъ внесутъ артистичность, прелесть искусства. Художественный театръ—серьезнѣйшій театръ, съ героическимъ напряженіемъ, въ бурленіи творческихъ силъ разрѣшающій самыя сложныя сценическія проблемы. Но у актеровъ этого театра—и большая любовь къ юмору, большой вкусъ къ шуткѣ. Они всегда любили смѣхъ. Выходъ этому должна дать «Летучая Мышь». Вотъ настроенія, мысли и цѣли, съ которыми Н. Ф. Баліевъ и Н. Л. Тарасовъ, сгруппировавъ вокругъ себя товарищей по театру, создавали «подвалъ» и подвѣшивали къ его сѣрому сводчатому потолку летучую мышь. Мѣсто отдыха—царство привольной, но красивой шутки, и подальше отъ посторонней публики.



«Подъ взглядомъ предковъ». «Старинный Гавотъ».

Участники: Т. Оганесова, Я. Волковъ, Т. Дейкарханова, В. Селиверстова.

Можетъ быть, это и не вполнѣ такъ выражено въ томъ уставѣ «Летучей Мыши», который подписали Н. Ф. Баліевъ, Н. Л. Тарасовъ, В. И. Качаловъ и еще нѣкоторые и который установленнымъ образомъ зарегистрировали. Но именно такъ жило въ представленіи иниціаторовъ «Мыши». Такъ стало осуществляться въ Перцовскомъ подвалѣ. Чтобы застраховать полную интимность и безпубличность, были приняты рѣшительныя мѣры, поставлены строжайшіе барьеры, впрочемъ, весьма скоро рухнувшіе, не выдержавшіе вполнѣ натиска первыхъ же дней жизни «Мыши». По уставу, «Мышь» образовывали 25 членовъ-учредителей, конечно, все ближайшихъ товарищей. И могли быть введены только еще 15 членовъ, по избранію первой группы, при чемъ избраніе требовалось единогласное. Одинъ черный шаръ—и баллотирующійся почитался уже забаллотированнымъ, оставался за порогомъ «Летучей Мыши». Это было слишкомъ ригористично. Можетъ быть, именно поэтому это оказалось совершенно невозможнымъ. При первой же баллотировкѣ ни одинъ новый членъ не былъ избранъ, потому что у каждаго оказался хотя одинъ «чернякъ». Это родило обиды, это стало натягивать отношенія среди актерской семьи Художественнаго театра и близкихъ къ ней. И отъ этого пришлось быстро отказаться. Узенькая щелка въ подвалѣ, гдѣ жила «Летучая Мышь», наполняя

«Пиковая Дама».

«Констанцкій Соборъ». Слова по Ап. Майкову, муз. А. Архангельскаго.

Участники: Я. Волковъ, А. Карицкій, М. Ефремовъ, Б. Васильевъ, А. Соколовъ, Н. Соколовъ, В. Подгорный.

своды смѣхомъ и пѣсней, расширилась. Оставалась однако достаточно узкою, чтобы не хлынули черезъ нее совсѣмъ посторонніе элементы, чтобы не расточилась интимность и ею защищаемая беззаботность.

Иногда собирались въ подвалъ только самые близкіе, но были вечера, когда спускались сюда по узенькимъ ступенькамъ и десятки другихъ, также все больше актеры, музыканты, художники, писатели, просто друзья и завсегдатаи московскихъ театральныхъ залъ. И свѣтъ отъ высокой, толстой свѣчи, падая на украшенную чернымъ звѣрькомъ страницу, освѣщалъ уже довольно длинный и пестрый списокъ присутствующихъ. Это еще не разбивало интимности, не вносило какой-нибудь чопорности и не ущербляло беззаботности въ шуткахъ.

Каждый спускавшійся подъ сводъ оставлялъ въ прихожей, вмѣстѣ съ калошами, печаль, снималъ съ себя вмѣстѣ съ пальто и заботы и какъ бы принималъ обѣтъ быть въ эти немногіе ночные часы подъ крыльями «Летучей Мыши» рыцаремъ смѣха и остроумнаго веселья. Обязанъ былъ тамъ, за порогомъ, оставить и обидчивость, способность уязвляться шуткою. Иначе рисковалъ быть изрядно изжаленнымъ, потому что стрѣлы у шутки «Мыши» бывали отточены очень остро и мѣтко попадали въ цѣль, хотя и спускались съ тетивы веселой и ласковой рукою. Отъ такой стрѣлы полагалось обороняться не обидчивостью, но находчивостью. И уязвленный смѣялся первый и больше всѣхъ.

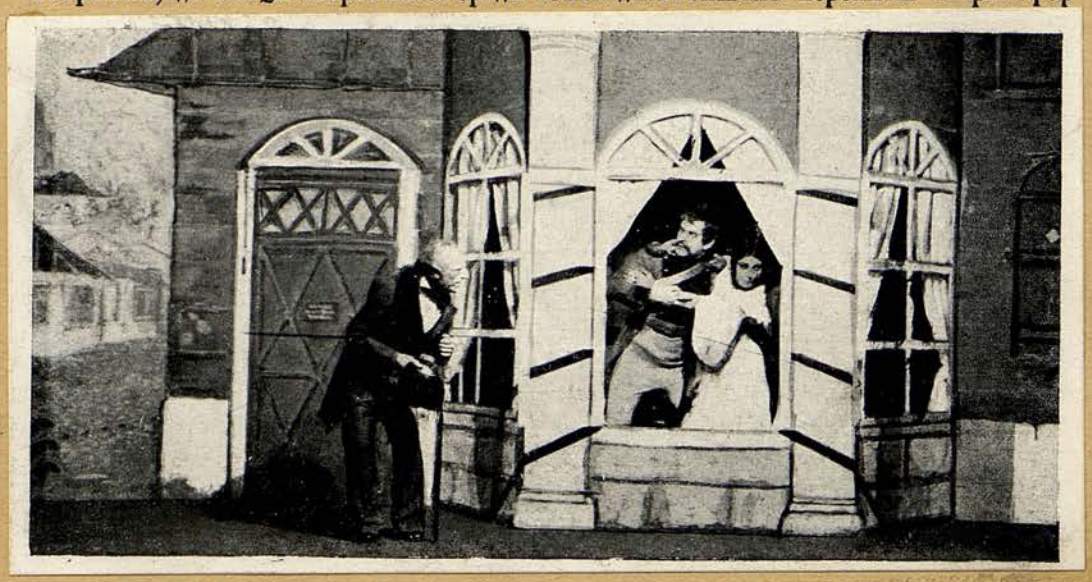
Стрѣлы неслись и изъ-за коричневыхъ длинныхъ столовъ, за которыми сидѣли хозяева и гости, и изъ того праваго уголка подвала, гдѣ бочкомъ пристроилась крохотная сценка съ раздвижнымъ занавѣсомъ. Но эта сцена ничѣмъ не раздѣлялась отъ «зрительной залы», была лишь ея продолженіемъ и находилась съ нею въ самомъ тѣсномъ, непрекращающемся общеніи. Клубокъ шутки, начинавшійся на сценѣ, перебрасывался въ подвалъ, потомъ назадъ на сцену и все больше и веселѣе запутывался, захватывая въ свои нити все большее число актеровъ-зрителей. А на грани между этой сценой и этой залой стоялъ Н. Ф. Баліевъ, дѣлавшій тутъ свои дебюты «конферансье», посредника между двумя частями театра,

который, впрочемъ, отнюдь не былъ театромъ въ сколько-нибудь обычномъ смыслѣ.

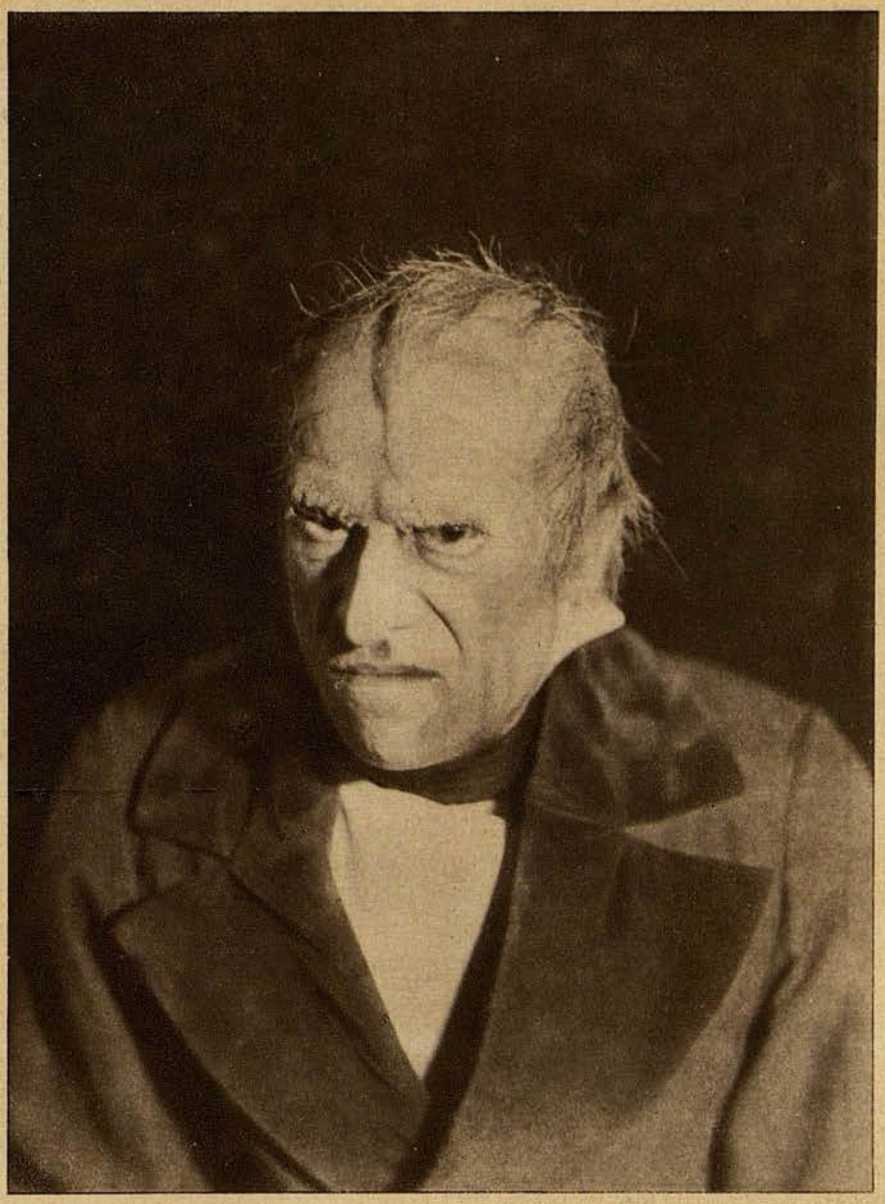
Широко улыбалось круглое, тѣсно смѣшавшее добродушіе съ ироніей лицо «конферансье». И чувствовалась въ немъ радость еще новаго для него, сохраняющаго всю волнующую прелесть, своеобразнаго творчества. Счастливы угадавшіе свое призваніе. Н. Ф. Баліевъ угадалъ. И это было однимъ изъ залоговъ и элементовъ жизнеспособности «Мыши» и ея грядущаго развитія.

«Казначейша». Сцены по М. Ю. Лермонтову.
Казначейша—Е. Туманова.

И другой залогъ и элементъ, уже не персональнаго характера: воздѣйствіе Художественнаго театра. «Мышь создалась только для беззатѣйной забавы. Но то была забава людей, воспитанныхъ въ подлинномъ искусствѣ, людей не только таланта, но и облагороженнаго вкуса. Этотъ вкусъ, эту настоящую артистичность они принесли и подъ своды подвала, такія печати наложили съ самаго начала на его Жизнь, такую создали традицію. И эта печать уже не вывѣтрилась, до конца сохранилась среди всѣхъ дальнѣйшихъ перепитій и трансфор-



«Казначейша». Сцены по М. Ю. Лермонтову
Участники: Казначей—И. Лагутинъ, Штабсъ-ротмистръ— Я. Волковъ, Казначейша—Е. Туманова.



И. И. Лагутинъ.

(«Казначейша»)

«Казначейша». Сцены по М. Ю. Лермонтову. Танцы.

мацій «Летучей Мыши», при переходѣ ея на линію открытаго театра. Связь съ Художественнымъ театромъ была не только черезъ такихъ-то лицъ, не только потому, что подъ уставомъ подписаны Качаловъ и его товарищи по сценѣ,—связь была и въ духѣ, въ той благородной крови, которая перелилась въ жизнерадостнаго младенца въ Перцовскомъ домѣ изъ организма родившаго его театра. Потомъ связь личная стала много слабѣе. Баліевъ пересталъ быть актеромъ Художественнаго театра, театръ и «Летучая Мышь» все болѣе разобщались, не расходясь, впрочемъ, совсѣмъ. Но къ этому времени традиція уже успѣла надежно окрѣпнуть, пропитала всѣ фибры «Мыши», стала какъ бы художественною натурою. Былъ врученъ въ руки хорошій компасъ. И онъ иногда, можетъ быть, даже незамѣтно для самихъ плавающихъ, направлялъ и направляетъ курсъ веселаго баліевскаго корабля, позволяетъ успѣшно обходить всякіе рифы и подводные камни. А ихъ всегда немало на путяхъ такого своеобразнаго театра, открытаго для всякихъ соблазновъ, какъ театръ «маленькихъ искусствъ», захваченныхъ кафешантаномъ.

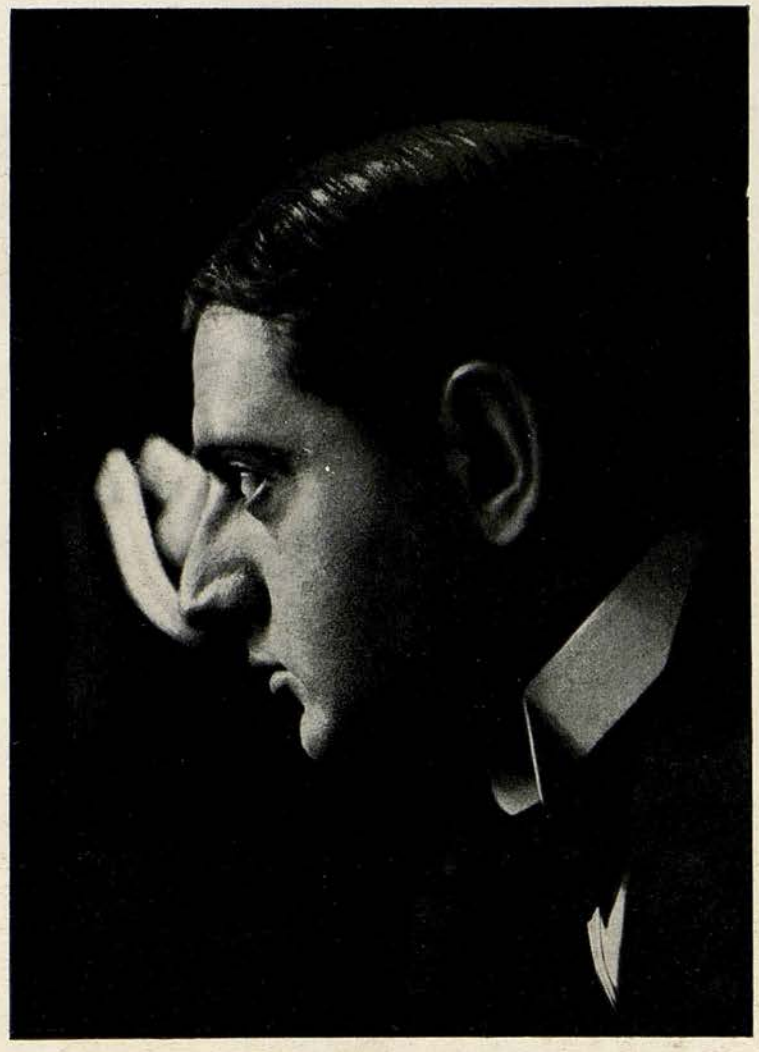
Н. Л. ТАРАСОВЪ.

Среди первыхъ руководителей «Летучей Мыши» былъ одинъ, который не былъ актеромъ и лишь отчасти, случайною связью былъ связанъ съ Художественнымъ театромъ—Н. Л. Тарасовъ. Въ начальныхъ же страницахъ разсказа о «Мыши» и ея рожденіи нужно остановить вниманіе на немъ и его роли. Онъ давно, правда, выбылъ изъ строя, почти юношею вырванный тяжелою загадочною трагедіею изъ жизни. Но есть и его ясная печать на московскомъ пріютѣ десятой музы. Его изящный духъ живетъ незамѣтно въ складкахъ «Летучей Мыши», сквозитъ въ ея работѣ.

Казалось, судьба была на рѣдкость милостива и щедра къ нему, дала ему очень многое. И громадныя средства, и большую даровитость, и тонкій вкусъ, и счастливую внѣшность. Какъ будто были для него открыты самыя широкія житейскія возможности. Какъ будто былъ онъ баловнемъ жизни. И многимъ, знавшимъ его только поверхностно, онъ казался именно такимъ, этотъ изящный юноша съ бархатными глазами на красивомъ матовомъ лицѣ. Но феи, стоявшія у его колыбели, позабыли туда положить одинъ подарокъ—способность радоваться жизни. А безъ этого подарка чего стоятъ всѣ остальные, самые щедрые и прекрасные? Тарасовъ носилъ въ себѣ жажду этой радости—и никогда не могъ ее утолить. Онъ понималъ эту радость и не могъ ее испытать. Онъ любилъ тѣ мѣста, гдѣ звенѣлъ смѣхъ, гдѣ порхала шутка, но самъ лишь едва улыбался и рѣдко ронялъ слова. Онъ любилъ ярко освѣщенныя залы, но въ нихъ выбиралъ для себя уголокъ потемнѣе, можетъ быть, чтобы не очень показывать свою печаль и усталость безъ предшествующей работы. Онъ любилъ шумъ споровъ, войну остротъ, но самъ всегда былъ очень скупъ на слова. Въ немъ жилъ несомнѣнный

«Казначейша». Сцены по М. Ю. Лермонтову.

Послѣдняя ставка.



Н. Л. Тарасовъ.

Со-основатель театра «Летучая Мышь».

«Заря-Заряница». По стихотворенію Ѳ. Сологуба, муз. Суворовскаго.
Участники: Т. Оганесова, Л. Колумбова, Н. Хоткевичъ, С. Туманова, А. Соколовъ, В. Барсова и Н. Веснина.

поэтъ, но онъ удосужился написать лишь очень немного рифмованныхъ строкъ, всегда изящныхъ, что-то обѣщающихъ, никогда не исполняющихъ этихъ обѣщаній. Въ немъ жила богатая фантазія, но не то застѣнчивость, не то какая-то необоримая лѣнь вязали ей крылья при первомъ взлетѣ, и она упадала, не воспаривъ. У него рождались счастливыя выдумки, но онъ почти ни одной не довелъ до осуществленія, она ему начинала казаться скучной и пошлой прежде, чѣмъ онъ доводилъ ее до какого-нибудь воплощенія. И только другіе, бывало, подхватывали оброненные имъ художественные намеки и потомъ развивали ихъ, обращали въ прекрасные перлы маленькаго искусства.

По всему складу души, по всему строю вкусовъ Н. Л. Тарасову были особенно близки именно «маленькія искусства», съ ихъ недоговоренностями, съ ихъ тѣсными, сжатыми формами, сосредоточенною силою, сгущенною красочностью и пикантною заостренностью. Ему была близка эта стихія юмора, сарказма, элегической нѣжности и грусти. Онъ любилъ пародію и онъ любилъ вздохъ; любилъ и пряный намекъ, и застѣнчивую недосказанность. Эстетъ, онъ особенно любилъ выдержанный стиль, любилъ гармоничную игру красокъ. Какъ видите, онъ особенно любилъ и пони-

Г.Т.Б. № 17708

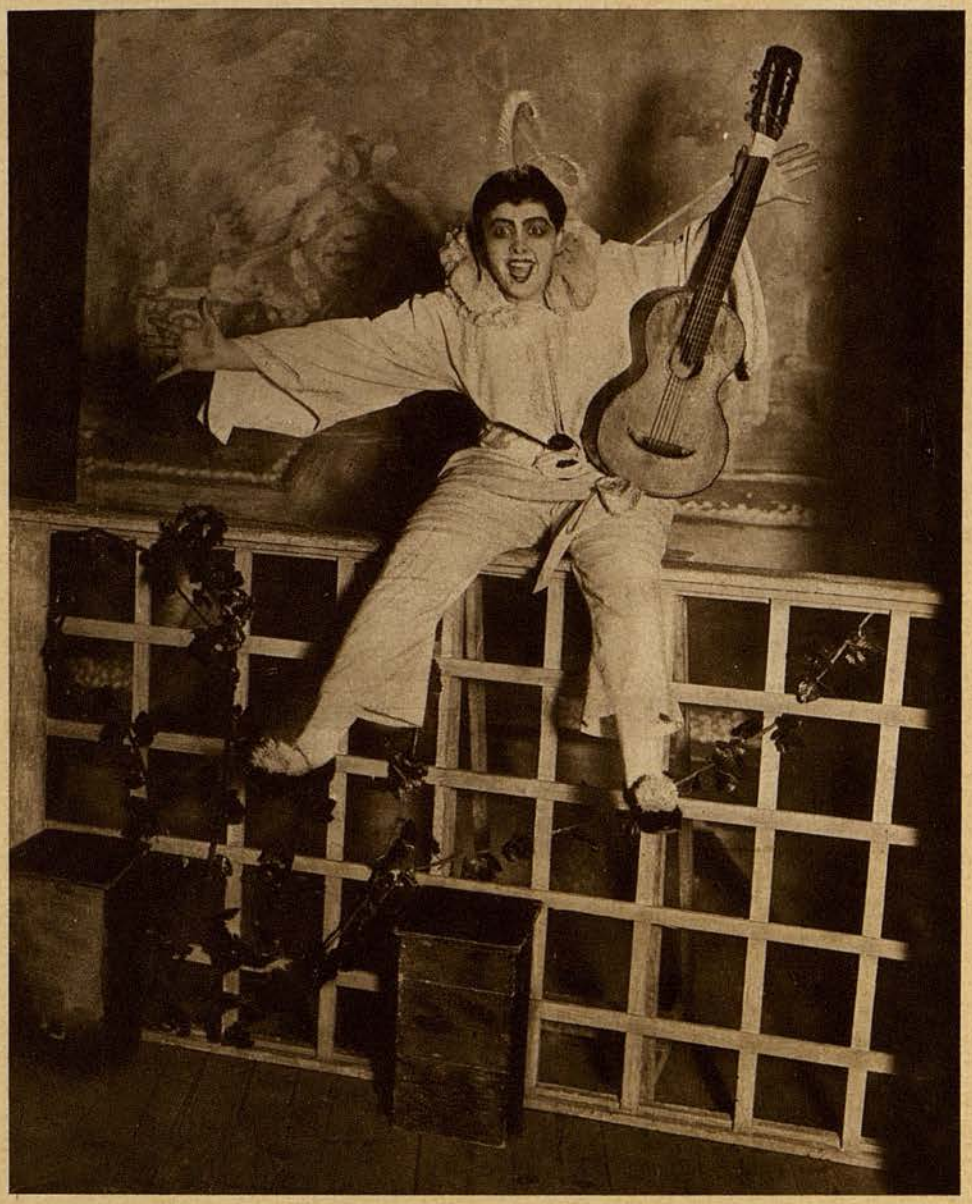
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА при АК. МАЛОМ ТЕАТРЕ

«Заря-Заряница». По стихотворенію Ѳ. Сологуба, муз. Суворовскаго.
Участницы: Т. Оганесова, Л. Колумбова.
(Деталь)

малъ какъ разъ все то, чѣмъ потомъ жила «Летучая Мышь», что составило ея главное и наиболѣе привлекательное лицо.

Какъ будто Тарасовъ былъ посторонній въ «Летучей Мыши» или только ея золотой мѣшокъ. Вѣроятно, именно такъ и расцѣнивали его очень многіе изъ бывавшихъ въ начальной, ранней «Летучей Мыши» и не знавшихъ ея кулисъ. Первый среди гостей, всегда на томъ же мѣстѣ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ похожій на героя изъ уайльдовскаго романа. Но онъ былъ и первымъ среди творцовъ. Изъ его вкусовъ черпали другіе, болѣе активные и менѣе закованные въ художественную застѣнчивость. Его тонкими вкусами, его чувствомъ художественнаго такта умѣрялись ошибочныя увлеченія другихъ, удерживались на пути благородства и тонкой изысканности.

Вкладъ въ «Летучую Мышь» измѣряется, конечно, не тѣмъ, что онъ сложилъ такую-то пѣсенку, потомъ ставшую популярной подъ сводами подвала, но потерявшую имя своего автора, что набросалъ такіе-то куплеты на театральную злобу дня, пустилъ въ ходъ такую-то эпиграмму, не тѣмъ, что онъ написалъ сознательно построенную на анахронизмѣ буффонаду о великомъ Наполеонѣ и его пропавшемъ



Н. В. Месхіева-Карѣева

(«Лунная Серенада»).

«Бабы». Инсценированная картина Малявина «Вихрь».

Участницы (слѣва направо): Е. Туманова, Т. Дейкарханова, Л. Колумбова, В. Барсова, В. Селиверстова, А. Соколова.

шофферѣ, которая и теперь, черезъ десять лѣтъ, производитъ эффектъ неожиданности и поднимаетъ подъ сводами «Мыши» веселый содомъ, или сочинилъ мѣткую пародію на «Марію Стюартъ» въ Маломъ театрѣ. Главный вкладъ Тарасова—въ другомъ—въ общемъ воздѣйствіи его облагороженнаго вкуса и подлинной артистичности, во вліяніи самой его личности эстета. Тарасовъ и его вліяніе—одна изъ замѣтныхъ нитей въ ткани баліевскаго капризнаго полу-театра.

Эта тонкая нить оборвалась очень скоро, еще до того, какъ «Мышь» стала выходить на болѣе широкую дорогу. Что произошло въ то хмурое октябрьское воскресенье*), когда выстрѣломъ въ грудь Н. Л. Тарасовъ положилъ добровольно конецъ своей жизни, снялъ съ себя бремя непроходящей тоски,—это такъ и осталось маловыясненнымъ, ушло вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ, какъ полуразгаданная загадка.

И одинъ лишь разъ подъ сводами «Летучей Мыши» не смѣхъ звучалъ и перекатывался, не нѣжный вздохъ элегической грусти, не легкая идиллическая слеза,—одинъ лишь разъ слышались тамъ глубокіе вздохи, тяжелыя, горькія рыданія. И лукавый мышенокъ смотрѣлъ удивленными крохотными глазками на такъ измѣнившіяся, тоскующія, удрученныя лица стоявшихъ подъ сводами и внималъ такимъ для него необычнымъ звукамъ и словамъ. Это служили «гражданскую панихиду» по Н. Л. Тарасовѣ.

*) Н. Л. Тарасовъ скончался 31-го октября 1910 г.

ПЕРІОДЫ „ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ".

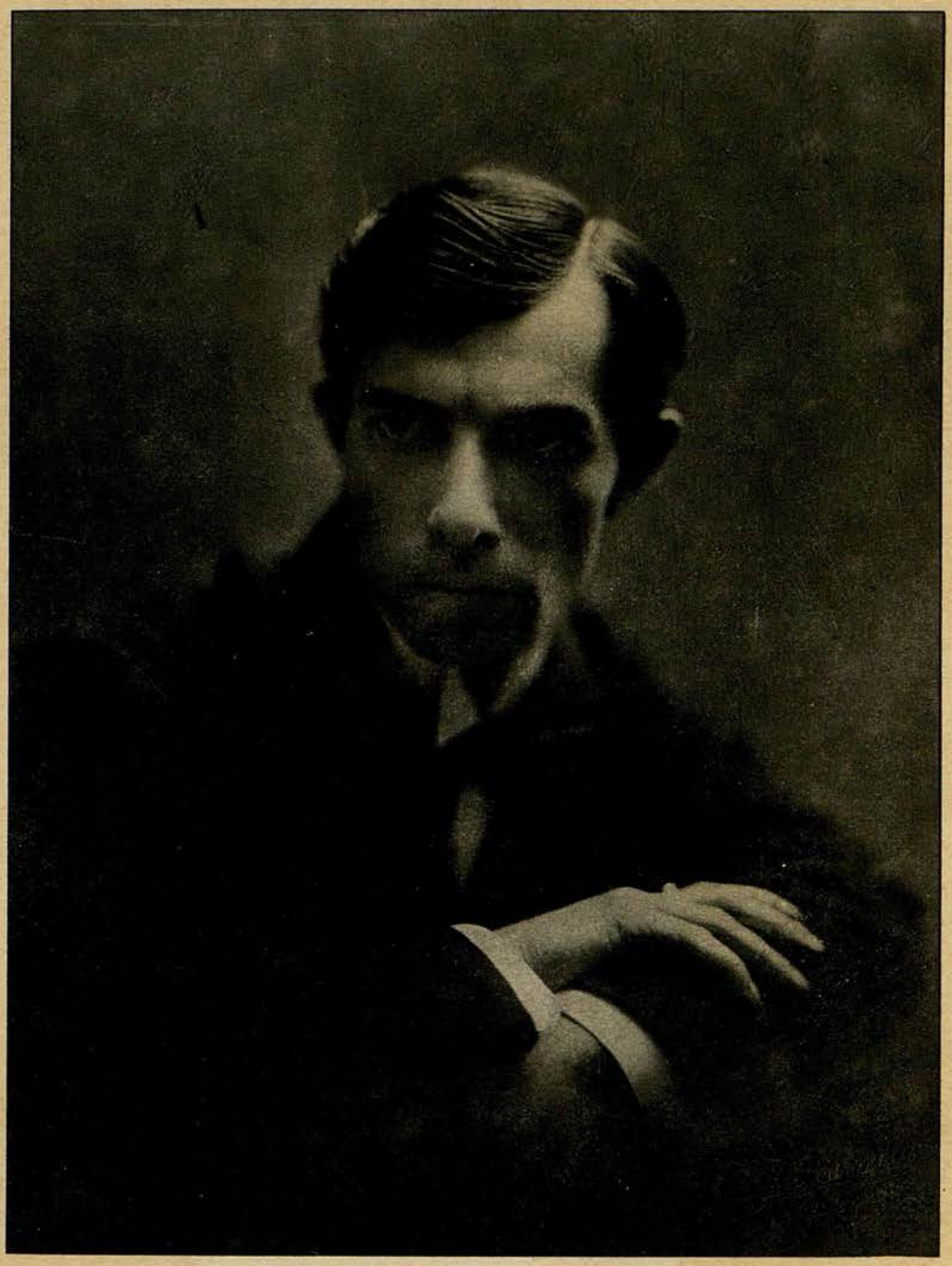
Если дѣлить маленькую исторію арены «маленькихъ искусствъ» на періоды, то можно бы разбить ее на четыре. Грани устанавливаются мѣрою интимности. Совсѣмъ интимный, почти закрытый кружокъ, допускающій не-членовъ только по скупо даваемымъ приглашеніямъ; полуоткрытый кружокъ съ приглашеніями, раздаваемыми все болѣе щедрою рукою; открытый всякому платящему за билетъ, доступный театръ, такъ именуемый въ афишахъ, но еще снаружи внѣшнимъ обликомъ «кабарэ», столами въ зрительномъ залѣ; наконецъ, открытый театръ съ обычнымъ партеромъ, только помѣщающійся по-старому подъ землею, въ подвальномъ помѣщеніи.

Отличія одного «періода» отъ другого—значительныя, такъ какъ перемѣна въ зрительномъ залѣ непремѣнно сказывается и на сценѣ, на характерѣ ея жизни. Центры внимманія съ неизбѣжностью перемѣщаются было случайнымъ, становится комъ, придатнымъ содержаніемъ, основное черезъ то основ-ротъ, только въ слу-емъ и, наобо-бутъ, въ допол-превращается разъ и лишнее чайный аттри-черты и подроб-нительное, иной представлялись украшеніе. Были и привлекатель-ности, которыя интимной или такими милыми «Летучей Мыши» пыми въ строго-скою и литера-полуинтимной кой и которыя съ артистиче-становились не турною публи-лишними при теряли смыслъ, лѣ иного, не такъ понятными, става, при боль-зрительномъ за-Были шутки, подобраннаго со-ныя, въ новой шой публикѣ. раньше прелест-обстановкѣ ста-

«Бабы». (Деталь)

Инсценированная картина Малявина «Вихрь».

Л. Колумбова



В. А. Подгорный.

«Бахчисарайскій фонтанъ». Сцены по А. С. Пушкину.

Участницы: Зарема—Т. Дейкарханова,

Марія—Н. Хоткевичъ.

новившіяся и мало забавными, и мало понятными, а то, что было лишнимъ-ненужнымъ въ интимной обстановкѣ, гдѣ часто одно и то же лицо было то зрителемъ, то исполнителемъ на сценѣ, то снова только зрителемъ, станови-

«Бахчисарайскій фонтанъ» Сцены по А. С. Пушкину, муз. А. Архангельскаго.

«Бахчисарайскій фонтанъ». Сцены по А. С. Пушкину, муз. А. Архангельскаго.

Участники: Зарема—Т. Дейкарханова, Ханъ—В. Подгорный.

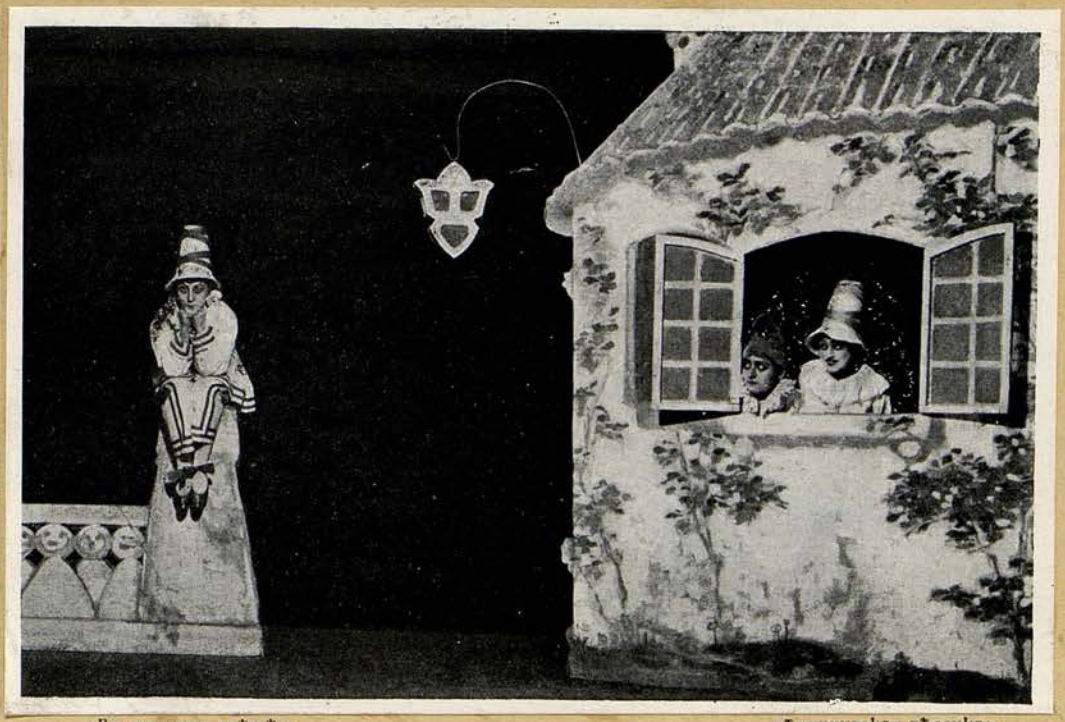
лось необходимымъ при строгомъ раздѣленіи сцены и залы, при преобладаніи «чужой», большой публики. Иногда, когда назрѣвшая уже необходимость перемѣны не ощущалась достаточно своевременно и полно, получались шероховатости, впрочемъ, всегда довольно быстро преодолѣвавшіяся и потому не ставившія «Мышь» въ неловкое, невѣрное положеніе.

Но черезъ всѣ эти періоды протягиваются тѣ же основные мотивы, сохра-

«Бахчисарайскій фонтанъ» Сцены по А. С. Пушкину.

(Группа)

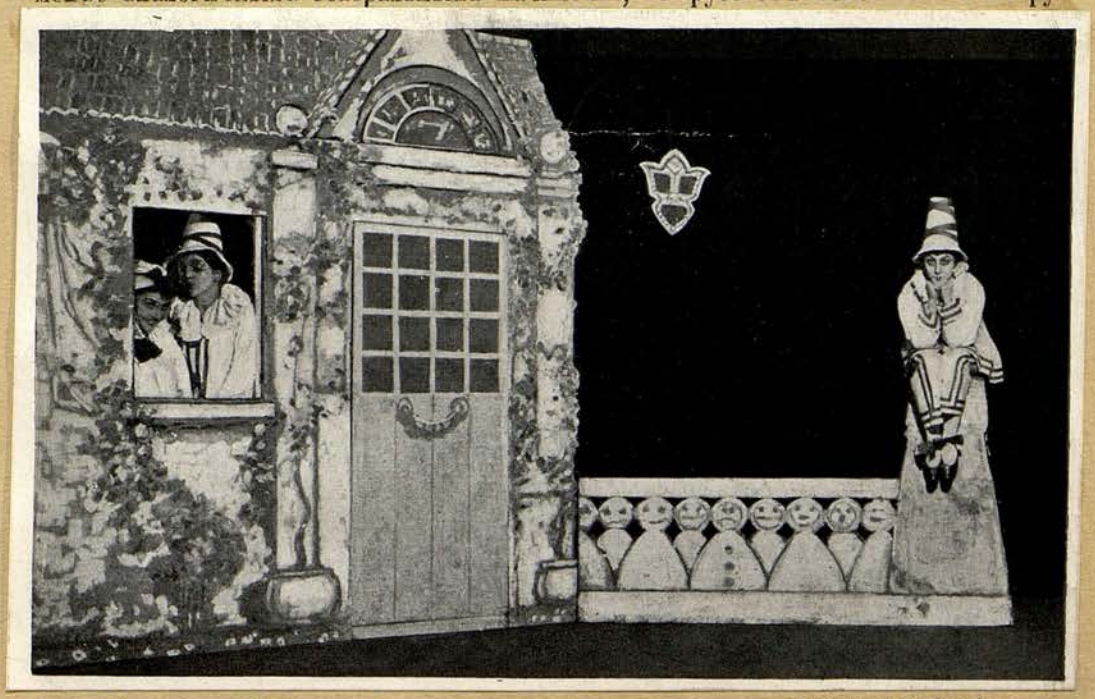
Е. А. Маршева.



«Въ лунномъ свѣтѣ». «Французская пѣсенка».

Участницы: Н. Хоткевичъ, Т. Оганесова, В. Селиверстова.

няется то же главное, что такъ отличаетъ «Мышь» отъ всѣхъ другихъ болѣе или менѣе аналогичныхъ театральныхъ начинаній, въ русскомъ лексиконѣ и въ рус-



«Въ лунномъ свѣтѣ». «Французская пѣсенка».

Участницы: Н. Веснина, А. Фехтнеръ, Н. Хоткевичъ.

I.

ской обиходной рѣчи не имѣющихъ до сихъ поръ хорошаго обозначенія. Парижъ давно узаконилъ термины «Varietés» и «Cabaret», Берлинъ создалъ «Tingeltangel», Вѣна—«Brettl», потомъ въ Мюнхенѣ обратившееся въ «Veberbrettl», Лондонъ — «Music-Holl's». У насъ нѣтъ термина, если не считать «театры-миніатюръ», къ «Летучей Мыши» совсѣмъ не идущіе. Онъ до самаго послѣдняго времени былъ гораздо меньше, чѣмъ они, «театромъ» по видимости, неизмѣримо больше по существу, по художественной содержательности исполняемаго, особенно — исполненія.

Эти, черезъ всѣ стадіи протянувшіяся общія нити, сжатая выразительность и острая заразительность, сконденсированное искусство непремѣнно во внѣшнемъ уборѣ большой художественной красоты, связываютъ жизнь «Мыши» въ одно цѣлое, позволяютъ говорить о ней, какъ объ единомъ по существу начинаніи, и давать ей общую характеристику.

Первый періодъ съ торжествующею интимностью, часто—съ собраніями безо всякой заранѣе опредѣленной программы, расчитанными лишь на импровизацію, на то, что принесутъ съ собою зрители-актеры и пошлетъ счастливый случай или внезапное вдохновеніе, протекалъ подъ сводами Перцовскаго дома. Это были два сезона наибольшей, самой беззаботной, иногда безудержной веселости, самыхъ неожиданныхъ выдумокъ, буффонадъ, юмористическихъ чествованій театровъ и лицъ, чествованій, въ которыхъ иронія струилась сквозь самыя искреннія привѣтствія, восторгъ и сарказмъ густо перемѣшивались въ одной чашѣ. Всѣ бывали пьяны отъ этого смѣшаннаго вина. И самыя горькія пилюли глотались съ веселымъ лицомъ. Недаромъ спускавшійся въ подвалъ принималъ на себя обязательство, даже чуть что не скрѣплялъ его подписомъ,—ни на что не обижаться, а видѣть въ шуткѣ только шутку. Все подвергалось пародіи, мѣткой, злой, но такой талантливой, что и пародируемый не могъ не смѣяться. И прощалъ то, чего никогда не простилъ бы, если бы это было сказано и показано въ менѣе талантливой формѣ, съ меньшей находчивостью и блескомъ.

II.

Составъ подвала опредѣлялъ и преимущественное содержаніе пародируемаго: театръ, новыя театральныя постановки, актеры. Для пародій были использованы по преимуществу маріонетки, благо тогда вообще была въ модѣ, въ подражаніе Меттерлинку, тоска по маріонеточному театру, который будто бы можетъ освободить сцену отъ рабства актеру. Въ распоряженіи «Летучей Мыши» оказались отличные скульпторы и рисовальщики, въ ихъ числѣ на первомъ мѣстѣ—Н. Н. Андреевъ, большой мастеръ каррикатуры въ скульптурѣ.

Можетъ быть, я теперь уже путаю, но, кажется, первымъ опытомъ въ этомъ жанрѣ «Мыши» была пародія на «Синюю Птицу». Подвалъ покатывался со смѣху

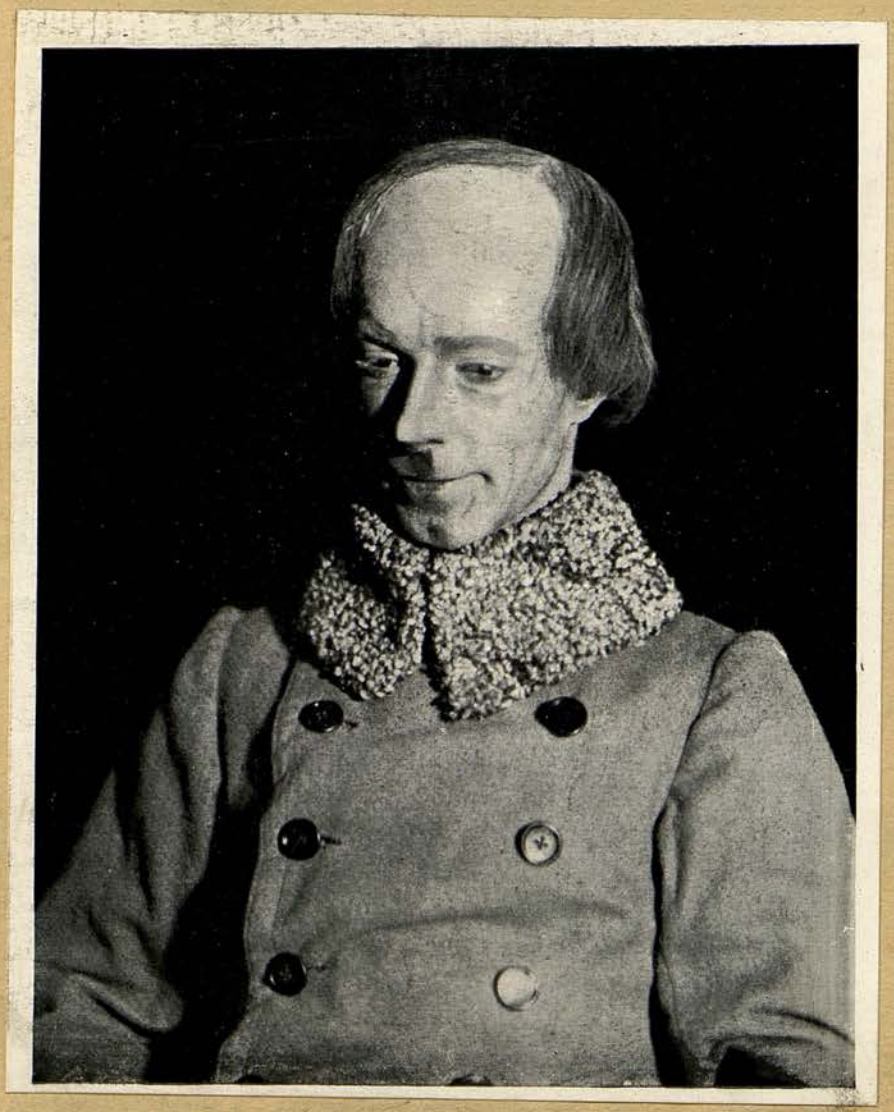
III.

впродолженіе всего кукольнаго спектакля. Главными героями были К. С. Станиславскій и Вл. И. Немировичъ-Данченко въ видѣ Тиль-Тиль и Митиль, отправлявшіеся искать «Синюю птицу» театральнаго счастья. Въ рядѣ картинъ, слегка напоминавшихъ картины меттерлинковской сказки въ инсценировкѣ Художественнаго театра, мелькали разныя злобы того театральнаго года, каррикатуры на отдѣльныхъ московскихъ актеровъ, писателей, театральныхъ критиковъ. И кому только не досталось тутъ отъ куколъ и говорившаго за нихъ Н. Ф. Баліева! Всѣмъ се-

IV.

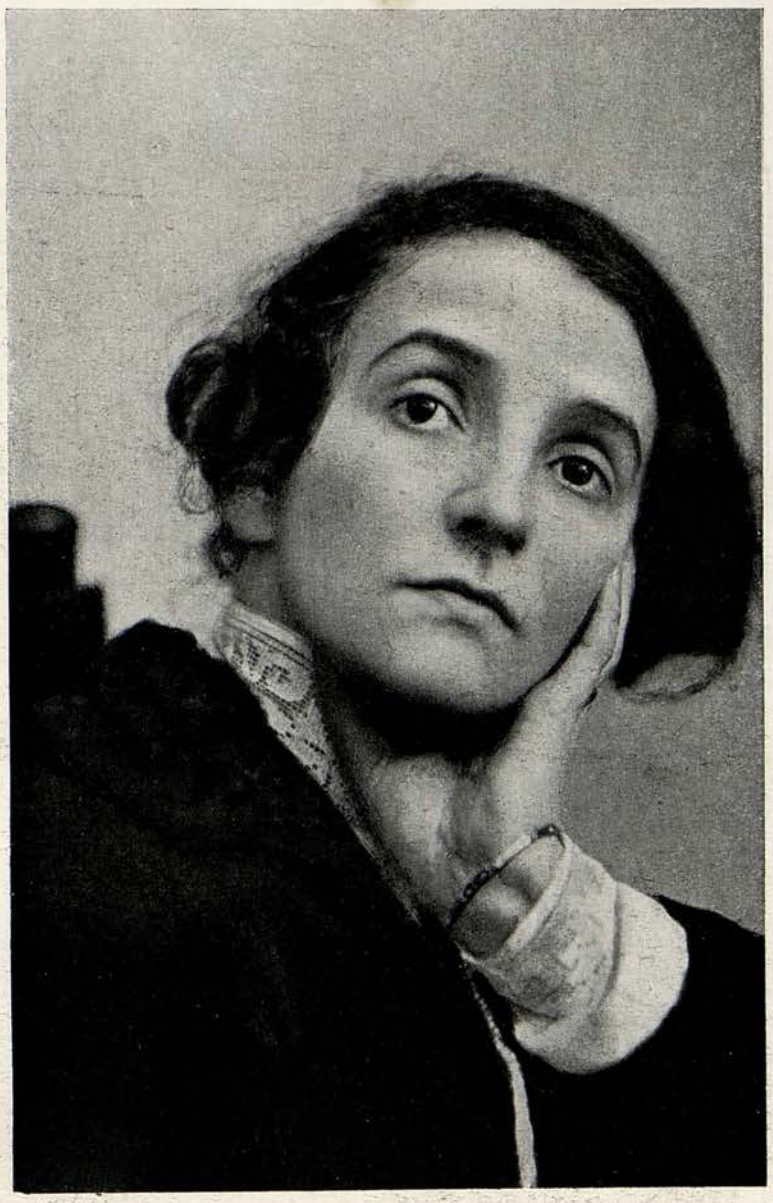
«Приключенія учителя музыки Педаля Ивановича Модератова». Музыкальные юморески по импровизаціи П. И. Чайковскаго: А—къ, А. А—скаго, А. Г—дъ. Силуэты Э—ра.

страмъ по серьгамъ, Художественному театру и нѣкоторымъ его тогдашнимъ увлеченіямъ и заблужденіямъ—больше всѣхъ. Зрителю со стороны, не посвященному во всю подноготную, многое показалось бы и непонятнымъ, и несмѣшнымъ. Но тогда такихъ зрителей подъ сводами «Мыши» почти совсѣмъ не было. И всѣ все понимали съ полуслова, съ отдаленнаго намека. Достаточно было одной ловко



«Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Сцены по Н. В. Гоголю.
Иванъ Ивановичъ—В. Подгорный.

имитированной интонаціи, одного мѣтко подхваченнаго жеста—и всякій въ «Мыши» безъ комментаріевъ зналъ, что это—Константинъ Сергѣевичъ, что это—. Владимиръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ изъ конкуррирующаго театра и т. д. Была сцена въ лѣсу: вмѣсто враждебныхъ человѣку деревьевъ—московскія газеты, ни за что не желающія отдать Тиль-Тилю и Митилю «Синюю птицу» удачи, строю-



Т. Х. Дейкарханова.

А. К. Фехтнеръ.

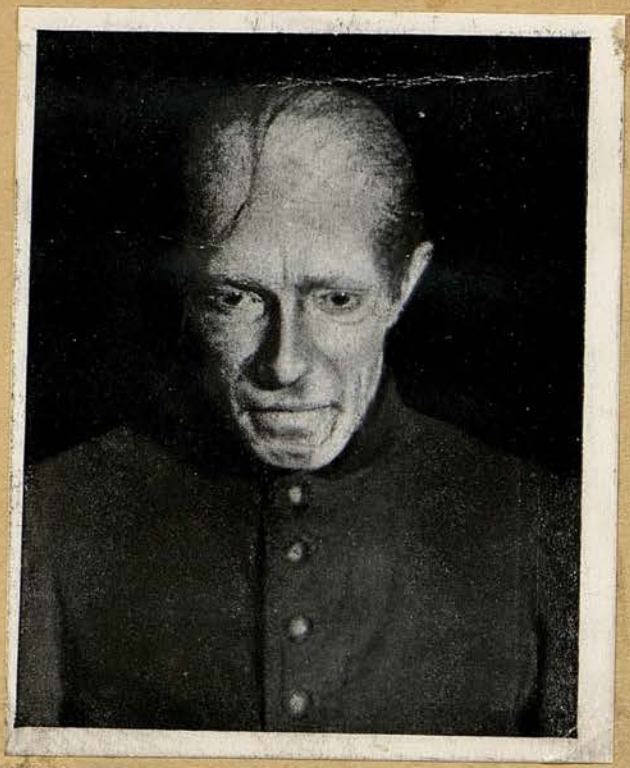
«Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Сцены по Н. В. Гоголю.

щія разныя козни рецензентскими перьями, при чемъ мѣтко и зло пародировались нѣкоторыя рецензіи, манеры рецензентскаго письма. Была и пропускавшаяся въ Художественномъ театрѣ сцена на кладбищѣ: вставали изъ могилъ покойники — «умученныя» въ Художественномъ театрѣ пьесы. Затѣмъ въ финалѣ—уже не помню, какъ именно,—вмѣшивался жандармъ изъ «Ревизора» и требовалъ къ отвѣту заправилъ Художественнаго театра. Все это коротко, легко, сжато, мѣтко, зло, остроумно.

Я нарочно разсказываю довольно подробно одну изъ пародій ранней «Мыши», чтобы напомнить, какъ въ ту пору развлекались и забавлялись завсегдатаи баліев-

«Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Сцены по Н. В. Гоголю.

скаго тѣснаго «дома». Такихъ пародій на разныя театральныя событія было немало въ первые годы. То «Марія Стюартъ», о которой уже мелькомъ упоминалось, то андреевскій «Анатема» «Ревизоръ», то переинсценировка «Братьевъ Карамазовыхъ» и «За коньячкомъ» — Вл. И. Немировичъ-Данченко и А. И. Сумбатовъ, обсуждающіе всякіе театральные проекты и злобы, въ «Еще одной погибшей репутаціи» —Шаляпинъ и т. д. Всякіе отклики на событія, преимущественно занимавшія въ данные дни вниманіе театральной и кулисной Москвы. Все это было, конечно, нѣсколько специфично, не выходило изъ узенькихъ рамокъ. Но это было какъ разъ то, что волновало «мышиную» публику актеровъ и театраловъ и что получало въ баліевскихъ пародіяхъ, имитаціяхъ и шаржахъ большую заостренность. Талантливый фельетонъ въ лицахъ.



«Шинель». Сцены по Н. В. Гоголю.
Акакій Акакіевичъ—В. Подгорный.

Собственно, такими же приблизительно пародіями, имитаціями и использованіемъ театрально-литературныхъ злобъ дня, такимъ же фельетономъ въ лицахъ были и «юбилеи», которые одно время вошли въ «Летучей Мыши» въ большую моду и привычку. Выработались даже особые спеціалисты для имитированія того или иного изъ популярныхъ героевъ театра: спеціалистъ по части Станиславскаго, спеціалистъ по части Качалова, Немировича, Южина и т. д. На одномъ изъ «капустниковъ» Художественнаго театра, которые являлись лишь расширенною «Летучею Мышью», съ благотворительною цѣлью распахивавшею двери предъ всѣми желающими, показали сначала подлинныхъ Станиславскаго, Немировича-Данченко, Южина, потомъ—ихъ имитаціи, и большая публика застонала отъ восхищенія: такъ счастливы были эти имитаціи, такъ тонки, улавливали оригиналы въ чемъ-то самомъ существенномъ и характерномъ. Искусство мима достигало въ «Мыши» большого совершенства.

А вокругъ пародій, бывшихъ какъ бы «капитальными» номерами программы,— пѣсенки, танцы, куплеты, инсценированные анекдоты, всегда красивые и мѣткіе, талантливые въ шаржѣ, чистые отъ пересоловъ и вульгарной утрировки, въ то же время выразительные, острые. Среди актеровъ Художественнаго театра, которые въ ту пору были почти исключительными исполнителями на крохотныхъ подмосткахъ «Летучей Мыши», быстро выработались настоящіе спеціалисты и мастера по части пародіи, куплета, шансонетки, юмористической музыкальной

«Шинель». Сцены по Н. В Гоголю.

Акаікй Акакіевичъ: В. А. Подгорный

Н. В. Месхієва-Карѣева.

«Шинель». Сцены по Н. В. Гоголю.

Участники: А. Соколовъ, А. Михатовичъ, М. Ефремовъ, И. Лагутинъ, Е. Женинъ, М. Боринъ, В. Подгорный, А. Юреневъ.

импровизаціи, сценической каррикатуры. Я перебираю воспоминанія о тѣхъ первыхъ годахъ «Мыши»,—особенно ярко проступаютъ, какъ авторы или исполнители въ «маленькихъ искусствахъ», нѣкоторые: В. В. Лужскій, исключительно талантливый куплетистъ, всегда оригинальный, тонкій и, главное, чистый отъ всей той пошлости, которая такъ плотно пристала къ россійскому куплетисту, стала его натурой, и такой же талантливый имитаторъ-пародистъ, мѣткій и выразитель-

«Шинель». Сцены по Н. В. Гоголю.

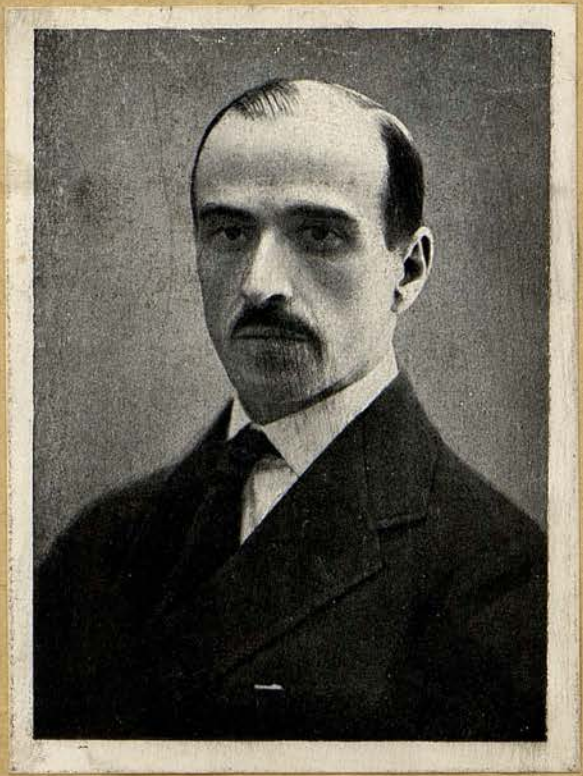
Участники: В. Васильевъ, В. Подгорный, Е. Женинъ.

Э. Я. Гибшманъ.

вспыхивали горячія искорки настоящаго таланта, давая художественную радость, мимолетную, но въ тотъ мигъ полную.

Молодыя актрисы Художественнаго театра въ ту пору бредили Айседорой Дунканъ и раскрѣпощеніемъ танца. На тѣсной сценкѣ «Летучей Мыши» онѣ находили просторъ для своей любви къ этому освобожденному отъ рутины искусству. А «Мышь» давала танцу подходящую, всегда почти художественную, декораціонную рамку. Каждый несъ, что могъ, къ чему лежала его артистическая душа. И старался использовать минимальное время для максимальнаго проявленія своей артистичности. Такъ къ «маленькому» искусству слова прибавилось «маленькое искусство»

ный; И. М. Москвинъ, и въ шуткѣ располагающій такими сочными красками и сильными мазками, всегда типичный и выпуклый въ рисункѣ шаржа; слегка подернутый элегическою дымкою, даже въ буффонаду вносящій лирическую струйку Н. Н. Званцевъ; наконецъ, самъ руководитель «Мыши» Н. Ф. Балiевъ, здѣсь только нашедшій себя и свою «полочку», изъ сѣраго на обычной театральной сценѣ, незамѣтнаго и скучающаго въ бездѣйствіи, ставшій сразу колоритнымъ, яркимъ, интереснымъ неожиданностями. Любой изъ нихъ, работай онъ въ какомъ-нибудь парижскомъ «Borte á Jurdy» или «Tréteau de Tabarin», непремѣнно сталъ бы маленькою знаменитостью. И не только въ тѣхъ, которыхъ я называлъ,



А. А. Архангельскій.

Авторъ многочисленныхъ музыкальныхъ произведеній, исполняемыхъ въ «Летучей Мыши».

Л. А. Гатова.

(«Рыцарь, продавшій жену чорту»)

«Плоховаты сборы!..»

«Всѣ билеты проданы»

«Что?! Авансъ?!!»

Н. Ф. Баліевъ въ лицахъ.

А. К. Фехтнеръ.

(«Зало для стрижки»)

«Русскія игрушки Посада Сергіева». Муз. А. Архангельскаго.

Участники: А. Фехтнеръ, М. Боринъ, К. Корицкій.

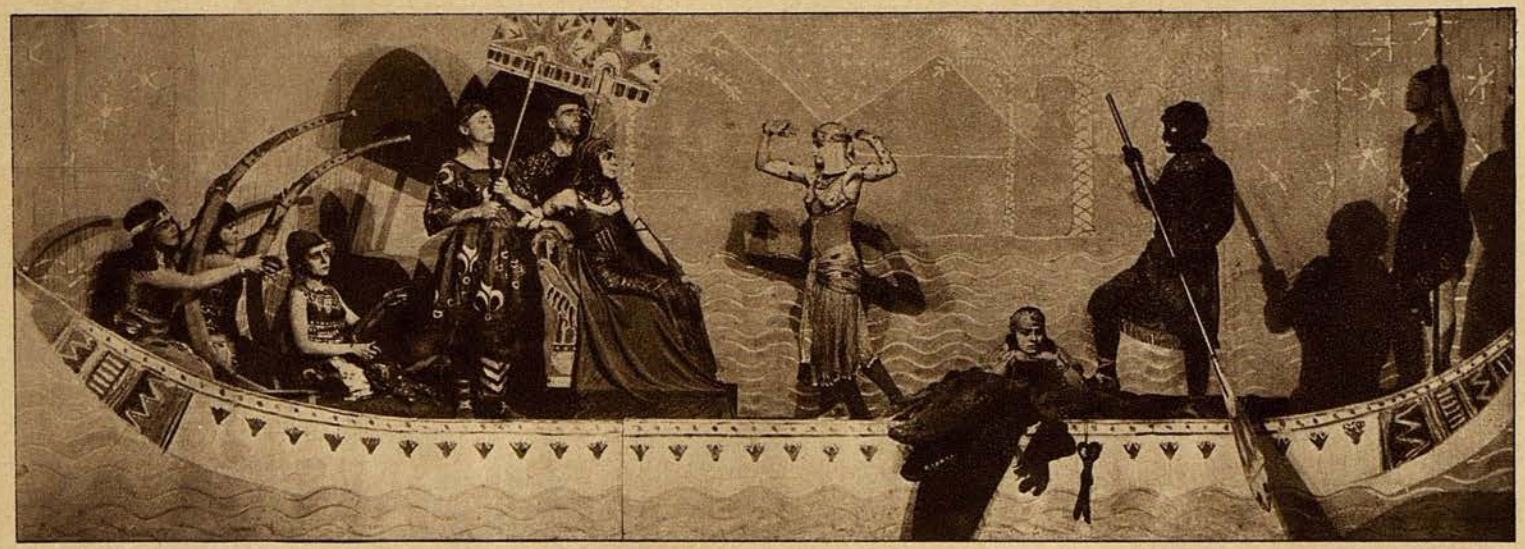
жеста, пластики. А на стѣнахъ подвала стали все чаще появляться художественныя каррикатуры, черпавшія матеріалъ все изъ того же круга театральныхъ лицъ и темъ. Такъ понемногу всѣ искусства—слово, театръ, музыка, танецъ, живопись—выдѣлили изъ себя нѣкоторые особые ростки для этого полутеатра, и ростки давали пышный цвѣтъ, поднимая беззаботную забаву до высоты подлиннаго художества. Прекрасное здѣсь, правда, не было «величаво», но оставалось все-таки прекраснымъ. Таковъ парадоксъ «Летучей Мыши», гдѣ служенье музъ терпѣло суету. Грани «Мыши» отшлифовывались, и богатѣла ихъ игра. Подвалъ ночного актерскаго бражничанія и шумнаго смѣха становился и впрямь пріютомъ музъ.

«Летучая Мышь» жила безъ рекламъ и безъ публикацій. Ихъ съ успѣхомъ замѣняла московская молва. Что творится за закрытыми дверями подвала—это все сильнѣе интриговало большую, такъ называемую «всю Москву». Свѣдѣнія, конечно, просачивались и въ нее. Разсказы множились и дразнили любопытство, подзадоривали жажду проникнуть какъ-нибудь за эти стѣны, подъ низкіе, душные своды, гдѣ кипитъ красивое веселье и гдѣ творятся такія чудеса: заѣхавшій послѣ симфоническаго концерта Артуръ Никишъ, стоя на столѣ, дирижируетъ маленькимъ военнымъ оркестромъ, поднимаетъ трубачей до экстаза и исторгаетъ изъ заиграннаго вѣнскаго вальса неожиданныя музыкальныя красоты; олимпіецъ Станиславскій вдругъ обращается въ престидижитатора и фокусника и ловко снимаетъ у кого-то изъ актеровъ сорочку, оставляя въ неприкосновенности пиджакъ и все прочее, а Шаляпинъ, Собиновъ и Суллержицкій показываютъ «французскую борьбу». Эти мелочи, этотъ вздоръ и шалость интриговали большую публику, можетъ быть, даже еще сильнѣе, чѣмъ сверкавшіе тутъ краями осколки большихъ искусствъ, чѣмъ свободныя кипѣнія таланта.

Понемногу буро-зеленая карточка, съ распластаннымъ изображеніемъ летучей мыши и со словами: «Летучая Мышь», разрѣшаетъ вамъ посѣтить тогда-то ея подвалъ», стала предметомъ зависти, пламеннаго желанія и усерднѣйшихъ хлопотъ.

Съ каждымъ новымъ вечеромъ у Баліева, съ каждымъ новымъ разсказомъ о томъ, что было подъ сводами подвала, эти желанія становились все сильнѣе, распаленнѣе и эти хлопоты—все настойчивѣе. Играло тутъ, конечно, роль и просто тщеславіе: буро-зеленый лоскутокъ съ разрѣшительною надписью не только обѣщалъ нѣсколько исключительно-заниматэльныхъ, веселыхъ часовъ, но былъ еще какъ-бы и нѣкоторымъ паспортомъ, свидѣтельствующимъ о причастности къ артистической Москвѣ, пріобщалъ къ тому кругу, къ которому у насъ всегда сильная тяга среди ликующихъ, праздно болтающихъ и набивающихъ всякіе «премьеры» и «вернисажи». Натискъ публики на «Летучую Мышь» дѣлался все сильнѣе. И ужъ легко было угадать, что ей не устоять передъ этимъ натискомъ, что ея интимность—обреченная. Объ этомъ многіе сильно жалѣли и роптали противъ вторженія нарядной «улицы». Не хотѣлось отдавать старую «Летучую Мышь». Но, видно, это было неизбѣжно. Разъ «Мышь» вступила на дорогу компромисса—идти ей этой дорогой до конца, до полнаго разрыва съ интимностью.

Б. С. Борисовъ.



«Крокодилъ и Клеопатра».

НА ПУТИ КЪ ОТКРЫТОМУ ТЕАТРУ.

«Летучая Мышь» продержалась два (точнѣе—полтора) короткихъ театральныхъ года въ своемъ первоначальномъ помѣщеніи, испытавъ въ промежуточную весну опустошеніе отъ разбушевавшихся водъ Москвы-рѣки. А на третій годъ переселилась въ другое—болѣе обширное, въ домѣ Арбатскаго въ Милютинскомъ пер. Этимъ переселеніемъ она капитулировала передъ большой публикой. Она еще хорохорилась, не хотѣла сдаться откровенно; она еще по-прежнему только «разрѣшала посѣтить», давала приглашенія, не продавала билетовъ. Но это были лишь послѣднія усилія какъ-нибудь что-нибудь уберечь изъ прежней интимности. «Мышь» уже выходила на путь открытаго театра. Она уже обрекалась, имѣя чужую, большую, постоянно мѣняющуюся публику, въ которой все сильнѣе растворялась кучка прежнихъ завсегдатаевъ, имѣя и свою отдѣльную труппу, и своихъ спеціальныхъ режиссеровъ, и заботливо подготовляемый, не оставляющій въ вечерѣ спектакля пустыхъ мѣстъ, репертуаръ. «Самодѣятельность» залы уже не могла заполнить пустоты. Пользоваться, какъ прежде, въ качествѣ исполнителей, добровольцами изъ актеровъ-друзей приходилось все рѣже, какъ счастливою случайностью, и все меньше была возможность полагаться на неожиданности и импровизаціи. Еще бывали и въ слѣдующіе годы, въ Милютинскомъ, вечера почти совсѣмъ прежняго характера, но такихъ становилось все рѣже, и все труднѣе было ихъ устраивать и выдерживать ихъ стиль интимности. Вся задача была теперь въ томъ, чтобы возможно счастливѣе приспособиться къ новой обстановкѣ, къ измѣнившимся условіямъ, уберечь въ новой формѣ лучшее, наиболѣе цѣнное изъ стараго содержанія, сохранить все-таки прежній основной узоръ среди всякихъ его усложненій, усовершенствованій и завитковъ.

К. И. Карѣевъ.
Уполномоченный дирекціи театра «Летучая Мышь».

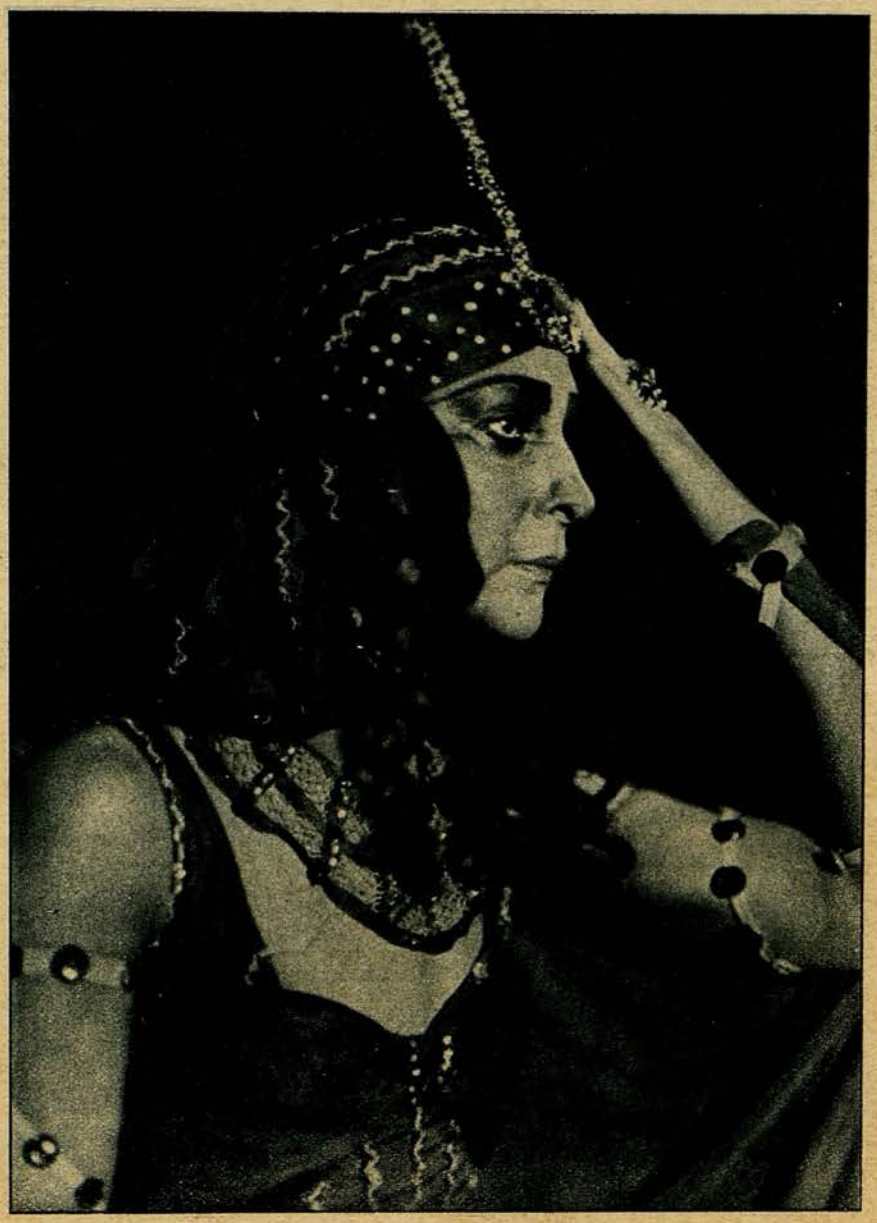
Пожалуй, эта пора полуинтимности, какъ всякая переходная пора, была самою тяжелою и наименѣе складною въ короткой жизни «Летучей Мыши», больше всего богата всякими шероховатостями, промахами и разнобоемъ. Такъ всегда

«Бриганъ Папаша» или «зѣло побитый мезальянщикъ». Водевиль съ пѣніемъ М. Долинова

Участники: Н. Хоткевичъ, И. Лагутинъ, А. Фехтнеръ, Я. Волковъ.

бываетъ, когда есть двойственность въ оріентировкѣ, когда два руля. И, случалось, «конферансье», прежде такой увѣренный, надиво находчивый, никакъ не могъ найти нужныхъ тоновъ, потому что старые мало теперь годились, новые еще не сыскались, и одни мѣшали другимъ. То же было и съ программою, съ нѣкоторыми частями. Онѣ оказывались то слишкомъ интимными и потому непонятными въ своей прелести и остротѣ за рамками тѣснаго кружка, жившаго приблизительно общими, схожими интересами, то слишкомъ общетеатральными, что-ли, и потому не оригинальными, въ атмосферѣ «Мыши»—прѣсными. Въ злободневныхъ «revus» и пародіяхъ на спектакли другихъ театровъ, Художественнаго—прежде всего, продолжали доминировать театрально-закулисныя темы. Но онѣ уже были чужія для большинства расширившейся, не повторявшейся изъ спектакля въ спектакль зрительной залы; намеки не подхватывались налету, загадки не расшифровывались, уколы не чувствовались, прелесть юмора и аттическая соль не оцѣнивались. Тогда палка перегибалась въ другую сторону, и про какого-нибудь «Жестокаго барона» ворчали, что этакое-то можно увидать и въ любомъ другомъ театрикѣ-миніатюръ... Отъ стоявшаго по-прежнему на грани «двухъ міровъ»—зрительнаго зала и сцены—конферансье все еще требовали, чтобы онъ ихъ соединялъ, но сливаться они уже не могли. Хотя многое прощали Баліеву, смѣялись въ отвѣтъ на его выпады, но шептались: не слишкомъ ли онъ обращается съ публикою «за панибрата». И въ этихъ укоряющихъ шопотахъ была своя доля правды. Потому что для подъуживанія на злую шутку атмосфера бывала не совсѣмъ подходящая.

Но художественный тактъ и большая гибкость скоро опять пришли на помощь и выручку. «Мышь» покачалась-покачалась—и нашла вѣрную среднюю дорогу.



Е. А. Тумановс.

(«Крокодилъ и Клеопатра»)

«Магазинъ Мадамъ Бурдье». Сцены уходящей Москвы

Участники: Н. Милатовичъ, А. Фехтнеръ, В. Барсова, И. Лагутинъ, Т. Оганесова.

Вооружилась новыми актерскими и художественными силами, новыми навыками и все увѣреннѣе зашагала по этой линіи, отъ полуинтимности къ безъинтимности, восполняя убыль уюта полноцѣнностью художественныхъ достиженій и разнообразіемъ содержанія. Н. Ф. Баліевъ, въ смокингѣ, съ бѣлой хризантемой въ петлицѣ, со строгимъ лицомъ, еще стоялъ въ уголкѣ своей сцены, налѣво отъ зрителей. Но онъ былъ тутъ въ моменты спектакля уже лишній, случайный обломокъ старой «Летучей Мыши». Онъ остался нуженъ только въ промежуткахъ между отдѣльными частями спектакля. И онъ иногда съ горькой шуткой признавался публикѣ, что нуженъ лишь для заполненія пустотъ, для маскированія антракта. Это случилось не сразу, это былъ результатъ цѣлой «эволюціи», отъ программы къ программѣ, отъ сезона къ сезону. Старая «Мышь» отмира ла.

Все шире, грандіознѣе раз правляла кры лышки новая.

«Мы такъ многому теперь научились, такъ многимъ обога тились, что рас полагаемъ уже всѣми необходи мыми рессурса ми,—писалъ Ге оргъ Фуксъ въ «Die R v lution des The térs»,— чтобы дать раз личнымъ проя вленіямъ творче ства «варьэтэ» не достававшее имъ раньше для занятія подоба ющаго мѣста въ кругу нашей куль туры». Москов ская «Мышь» это сдѣлала, широко

«Благотворительный концертъ въ Крутогорскѣ».

Участники: Н. Баліевъ, Е. Женинъ, Н. Хоткевичъ.

«Мышь». Сцены по сказкѣ М. Горькаго.

использовала всѣ накопившіеся «рессурсы» для возможно большаго обогащенія «варьэтэ» и введенія его въ кругъ культуры, возведенія тамъ на почетное мѣсто.

Творчество «Летучей Мыши», какъ художественнаго цѣлаго, было эклектическое. «Je prends mon bien ouje le trouve»—ея девизъ. Она стала черпать изъ всѣхъ источниковъ. Вопросъ былъ лишь въ томъ, какіе—выбирались и какъ почерпнутое претворялось. Были ли чуткими, художественными въ этомъ выборѣ и своеобразными - артистичными въ этомъ претвореніи?

Поиски «Мыши» шли по самымъ различнымъ путямъ, во всѣ направлялись стороны. Иногда заводили и въ глухіе закоулки, въ тупики и на задворки искусствъ, вводили во всякіе соблазны мнимой изысканности и поддѣльной артистичности. Иногда только обветшавшее принималось за «старинное», вычурное—за стильное, дешевая мишура—за полноцѣнное червонное золото и «хорошенькое»—за красоту. Задача этого очерка, хоть онъ и проникнутъ симпатіей къ «Мыши» и дружелюбіемъ,—отнюдь не какая-нибудь панегирическая, не комплементы маленькому юбиляру. И нѣтъ охоты пользоваться только одною розовою краскою, замалчивать промахи, прятать ошибки. Я думаю, «Летучей Мыши» не нужна ложь,—съ нея довольно, ее вполнѣ удовлетворитъ и правда. Если перебрать показывавшееся тутъ зрителю за нѣсколько лѣтъ, можно набрать и такое, чего лучше бы не показывать, на что не стоило тратить время, трудъ, фантазію, вкусъ и средства. У «маленькихъ искусствъ» нѣтъ врага сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ пошлость. Она такъ и подстерегаетъ, всегда готовая задушить. А оригинальничаніе есть лишь обратный ликъ той же пошлости. И такое дешевое оригинальничаніе случалось; такая пошлость проползала, пробовала обмануть. Самое ужасное—вульгарная ремесленная поддѣлка подъ художественную бездѣлушку, якобы артистическій брикъ - а бракъ. Было и это. Но та же правда требуетъ сказать,—это случалось въ «Мыши» относительно рѣдко, никогда не возводилось въ правило и прежде всего болѣзненно чувствовалось самою же «Мышью». Эту опасность «Мышь» въ большинствѣ случаевъ благополучно избѣгала, заслоняемая отъ нея надежнымъ щитомъ развитого вкуса и тѣхъ традицій, которыя успѣли выработаться въ пору тѣснѣйшаго общенія съ художественнымъ театромъ. Разъ полученный эстетическій закалъ сохранялся.

Чаще «Мышь» грѣшила незначительнымъ въ смыслѣ художественности, а то и попросту скучнымъ, хотя и было всегда стараніе прикрыть это оболочками

«Мать». Сцены по М. Горькому

Тимуръ-Ленчъ—В. А. Подгорный.

Н. М. Хоткевичъ.

(«Крокодилъ и Клеопатра»)

«Капризъ Богдыхана». По разсказу А. Ронье.

Участники: В. Подгорный, Я. Волковъ, А. Соколовъ.

изысканности, сдобрить «картъ-постальною» «красивостью. Чаще, далѣе, грѣшила «Мышь» перепѣвами своихъ же мотивовъ, «самоповтореніемъ». Что удалось разъ, позабавило, пощекотало нервы остротою или неожиданностью, затѣмъ усердно повторялось въ легкихъ варіаціяхъ. И въ повтореніяхъ уже не было ни забавнымъ, ни острымъ, было только скукою, топтаніемъ на одномъ мѣстѣ.

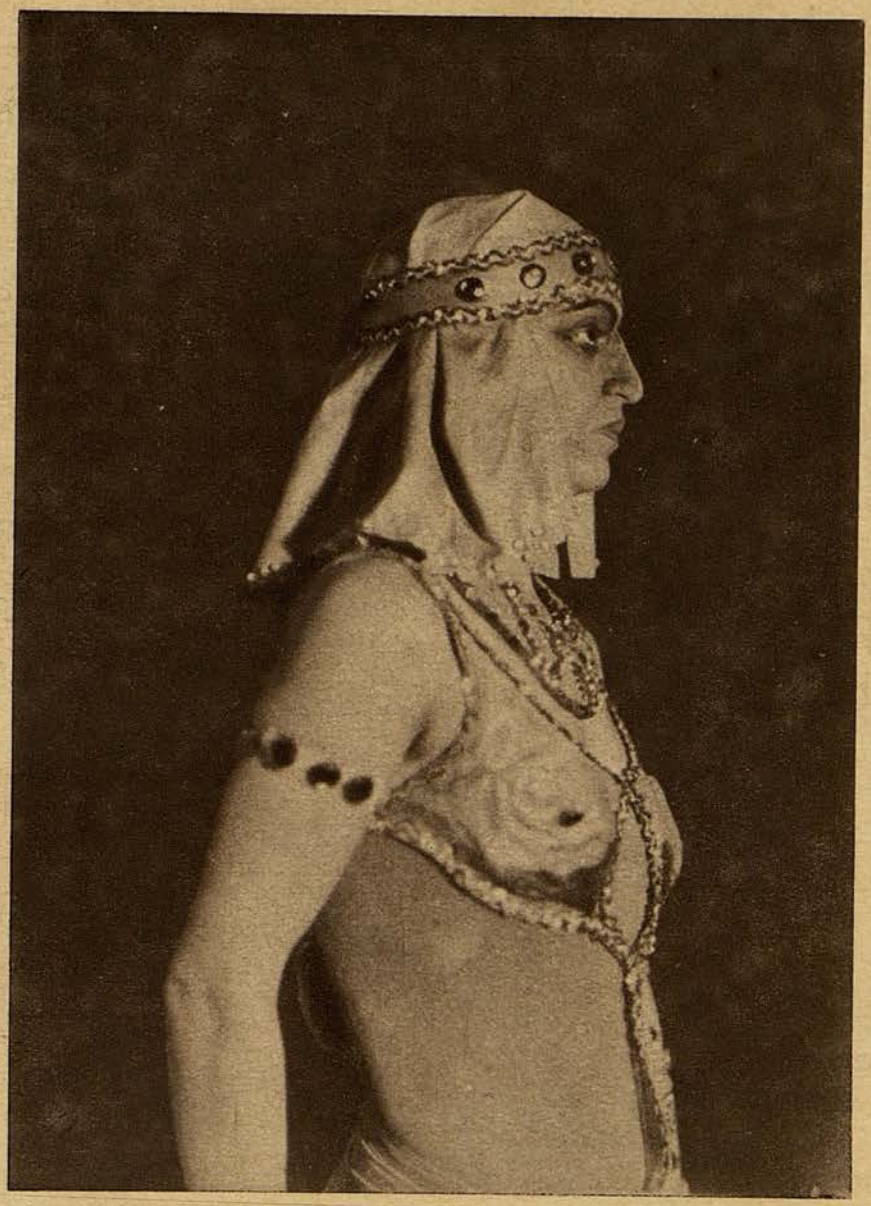
Такъ было, для примѣра, съ пародированіемъ оперы, ея рутины, нелѣпостей ея либретто, затянутыхъ руладъ ея теноровъ и сопрано, «бѣгомъ на мѣстѣ» ея хора и т. д., всего того, что обнимается теперь терминомъ «Вампука». Когда-то, когда и «Мыши» еще не существовало, и ранѣе появленія знаменитой «Вампуки», будущіе участники «Мыши» разыграли такую оперу-пародію на полудомашнемъ спектаклѣ. Это было въ странно обставленной студіи одного изъ юношей Художественнаго театра, въ Перцовскомъ же домѣ, только высоко надъ подваломъ будущей «Мыши». Помню, я смотрѣлъ эту талантливую шалость въ ночь встрѣчи новаго года. Помню, авторомъ музыки былъ такъ рано уведенный отъ жизни Илья Сацъ, ярко талантливый, между прочимъ—и въ музыкальномъ шаржѣ. Золъ въ своихъ пародіяхъ былъ текстъ, еще злѣе—музыка. Разыгрывала эту «оперу» артистическая молодежь, смотрѣли артисты Художественнаго и другихъ театровъ, писатели. Былъ среди публики Леонидъ Андреевъ. И всѣ покатывались отъ хохота, всѣ были въ шумномъ восторгѣ отъ музыкальныхъ неожиданностей и мѣткихъ шаржей. Саца, растеряннаго, сконфуженнаго, не знавшаго, куда дѣвать руки, выволокли на настойчивые вызовы. Такъ дебютировалъ въ качествѣ музыкальнаго пародиста предшественникъ «Вампуки», завершившій эту свою карьеру прелестной пародіей «Не хвались идучь на рать». «Летучая Мышь» хорошо запомнила этотъ успѣхъ. И сколько разъ она потомъ возвращалась къ этому, поднося

«Серенада Фавна». Музыка Моцарта.

Участники: В. Барсова, Е. Туманова, А. Соколовъ.

подъ разными соусами, не всегда пикантными и вкусными. Неожиданность превратилась въ шаблонъ, всѣ острія притупились. Балластъ въ репертуарѣ.

Можетъ быть, въ мѣрѣ еще сильнѣйшей обратились понемногу въ скучный балластъ и пародированія стр-р-рашныхъ трагедій, точившихъ, вмѣсто крови, обильный клюквенный сокъ, начиненныхъ измѣнами, самоубійствами, убійствами и завершавшихъ свое стремительно-быстрое дѣйствіе горою труповъ. Сначала это называлось «Жестокимъ барономъ», потомъ «Честью и местью», «Розмундой», «Четырьмя Смертями», «Рыцаремъ Вольдемаромъ», какъ-то еще и еще. Сейчасъ всѣ эти пьески слились въ памяти въ одно сѣрое, безконтурное пятно. Уже не отличить, что принадлежало одной, что—другой пародіи, потому что, въ сущности, все это было одно и то же, лишь слегка варьировалось въ деталяхъ и въ обстановкѣ. И когда случалось, что даже въ одинъ и тотъ же вечеръ предлагались



В. К. Селиверстова.

(«Крокодилъ и Клеопатра»)

«Катенька». «Забытая полька 80-хъ годовъ».

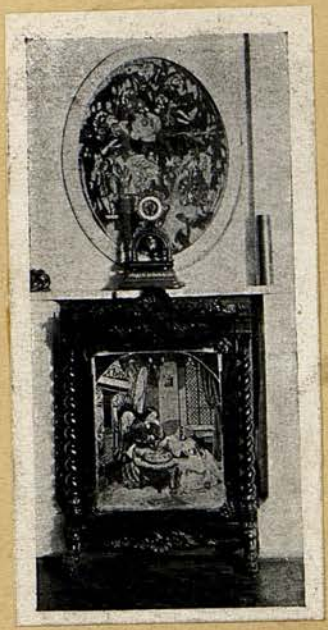
Участники: М. Боринъ, А. Фехтнеръ, В. Барсова.

вниманію двѣ-три такихъ варіаціи, это было скучно, нудно; вмѣсто веселья и забавы, зритель испытывалъ легкое томленіе.

То же было и съ возобладавшимъ одно время увлеченіемъ инсценировать всякіе анекдоты, къ тому же отнюдь не всегда достаточно остроумные, хорошаго тона. Можетъ быть, это такъ особенно и нравилось новой части публики «Мыши», которая знала, что сюда ходятъ, чтобы помирать со смѣху, но не привыкла къ смѣху почище. Замелькали на сценѣ какіе-то «Понтеры». Кажется, именно по поводу вотъ этихъ инсценировокъ еврейскихъ, армянскихъ и другихъ анекдотовъ, отъ которыхъ отдавало «открытою сценой», кѣмъ-то изъ театральныхъ критиковъ, жалѣвшихъ «Мышь», былъ обращенъ къ ней вѣрный совѣтъ: поменьше думать о публикѣ, побольше о себѣ самой, потому что тогда будетъ въ выигрышѣ не только она, будетъ въ выигрышѣ и самая эта публика...

Но если начать перебирать воспоминанія или перелистывать старыя афиши «Мыши», изъ сезона въ сезонъ, непремѣнно бросится въ глаза: часто мелькаютъ тутъ такія имена, литературныя, музыкальныя, художническія, — Мопассанъ, Чеховъ, Альтенбергъ, Тургеневъ, Лермонтовъ, Пушкинъ, Андрей Бѣлый, Моцартъ, Шубертъ, Гайднъ, Чайковскій, Даргомыжскій, Бородинъ, Дебюсси, Зулоага, Ма-

лявинъ, Бердслей. Пестрый
точниковъ всегда стреми
новенія и матеріалы, ко
вать почерпнутое по-сво
шой сконденсированности
—юморъ и сантименталь
лись особенно опредѣленно
кой улыбкой и нѣжной
и слово, и музыка, и деко
«Летучей Мыши» актеръ,
художникъ отлично научи
объединяться въ одной сти
и давать ему нужное на
«Душа танцовщицы» на аль
такимъ же образцовымъ
жанрѣ, какъ «Скоропостиж
великодушіе русскаго на
прикрывшаго Антошу Че



Каминъ въ фойе театра «Летучая Мышь».

Еще хорошій источ
и почти всегда съ боль
ная «Мышь»,—старина, пре

списокъ. Изъ такихъ ис
лась «Мышь» черпать вдох
нечно, стараясь использо
ему, въ своемъ стилѣ боль
и остроты. Были двѣ струи
ность,—которыя обознача
и особенно счастливо. Мяг
грустью были запечатлѣны
раціонный антуражъ. Въ
музыкантъ, режиссеръ и
лись сочетать свои усилія,
хіи, въ одномъ настроеніи
пряженіе. Какая-нибудь
тенберговскій мотивъ была
достиженіемъ въ своемъ
ная конская смерть или
рода» Акакія Тарантулова,
хонте,—въ своемъ.
никъ, къ которому часто
шою удачей припадала жад
имущественно старинная

пѣсенка, то граціозно-гривуазная, то наивно трогательная, опять — съ легкой улыбкой и съ легкой слезой. Этотъ матеріалъ почти всегда обращался при помощи средствъ сцены и актера въ настоящія художественныя жемчужины. Изъ этихъ инсценировокъ получались тонкія, благородныя акварели. Что-то ласковое поднималось имъ въ отвѣтъ со дна души, пробивалось сквозь пестрый налетъ будней. Зритель былъ растроганный, умиленный. Всего нѣсколько минутъ. Но эти минуты прелестны. Искусство—бабочка. Вспорхнуло, поиграло золотописьмомъ своихъ крылышекъ, восхитило, очаровало, заставило какую-то струну тихо задрожать, — и ужъ летитъ прочь. Но «отъ нея расходятся морщины на челѣ».

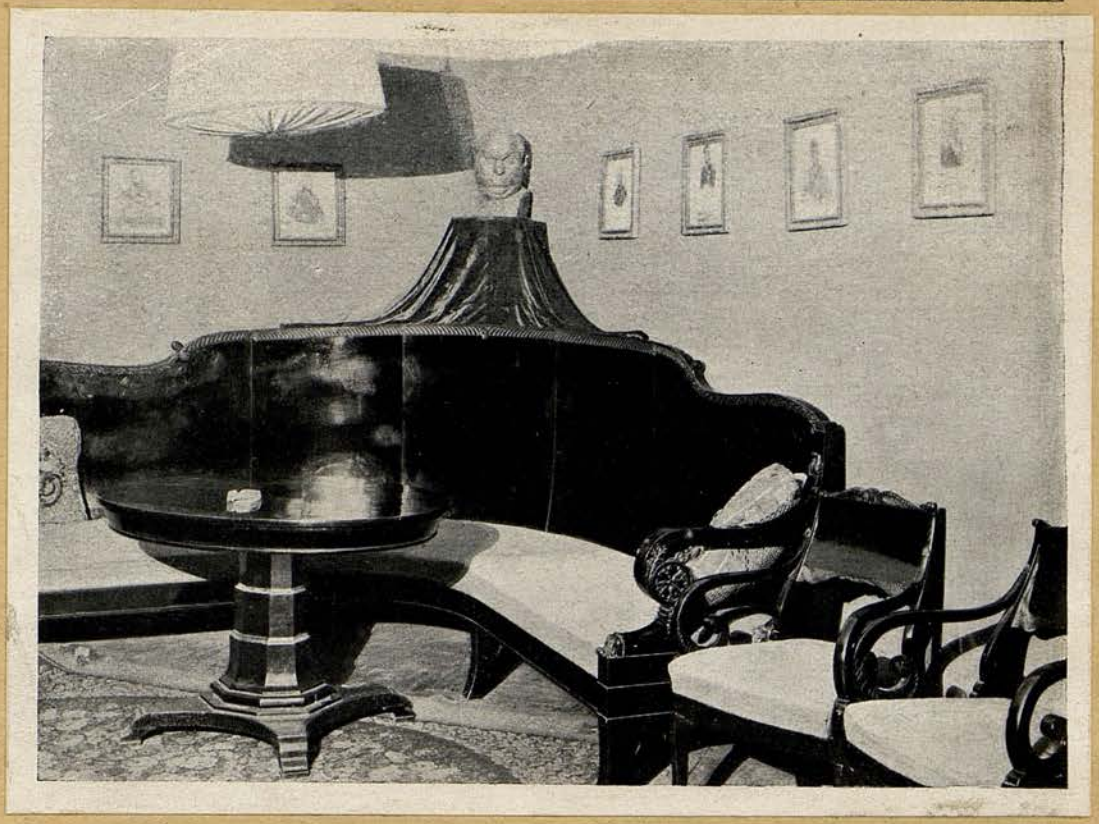
То же и съ танцемъ, который здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, часто становился тонко-стильною, оживленною картиною. Были для этого использованы всѣ эпохи

Н. Ф. Баліевъ.
(Плакатъ)

Н. Ф. Баліевъ.
(Кукла)

«Рыцарь, проигравшій жену чорту». Пьеса М. Кузьмина.

Жена Рыцаря—Н. Хоткевичъ.



Уголокъ фойе въ театрѣ «Летучая Мышь».

отъ древности до нашихъ дней, всѣ части свѣта, всякія историческія реминисценціи. Я не помню и не могу розыскать въ ворохѣ старыхъ афишъ и программъ, какъ назывался тотъ номеръ «Мыши»—кажется, изъ перваго Милютинскаго сезона,—гдѣ оживали на старинныхъ часахъ двѣ севрскія фигурки, такія кокетливыя и крупкія, и подъ тихій, мелодичный бой, переходившій незамѣтно въ нѣжную мелодію, исполняли тихій же, кокетливый, чуточку жеманный танецъ. Это врѣзалось мнѣ въ память. Объ этомъ и теперь, черезъ столько лѣтъ, пріятно вспоминать, послѣ многихъ другихъ «оживленій» то стараго фарфора, то бабушкиныхъ вѣеровъ и табакерокъ съ музыкой и миніатюрами на крышкѣ, то китайскихъ лаковъ. Въ этомъ искусствѣ «миніатюры» у «Мыши» нѣтъ соперниковъ и удачныхъ подражателей. И такіе счастливые кусочки искусства бывали въ каждомъ новомъ спектаклѣ. За кулисами стояли подлинные художники, люди тонкаго вкуса и благородной выдумки—мы, публика, врядъ ли даже знали ихъ имена—и творили эти артистическія бездѣлушки, эту ювелирную театральную работу. Ну, конечно, и тутъ бывали порою только «самоповторенія». Вѣдь художественная выдумка не безпредѣльна и бездонна. Истощается, утомляется, особенно когда ей нужно поставить до сотни такикъ бездѣлушекъ въ театральный годъ. Однако часто и на этомъ старомъ пути, уже использованномъ раньше, оказывалась очаровательная неожиданность, свѣжія загорались краски, и обновлялась радость. Это былъ тотъ «маленькій стаканъ», о которомъ говорилъ французскій поэтъ, но это былъ и «свой стаканъ», и былъ онъ наполненъ такимъ добрымъ виномъ.

Фойе театра «Летучая Мышь».

Часто бывала «Мышь» удачна и въ шаржѣ, въ каррикатурѣ, иной разъ пользуясь для того старыми формами, инсценируя то афоризмы Кузьмы Пруткова, то народныя пословицы, то каррикатуры Буша, то старорусскій лубокъ, прибѣгая къ услугамъ маріонето, китайскихъ тѣней и т. д. По этой части изобрѣтательность развилась чрезвычайная, какая-то безбрежная. Куклы обращались въ людей, люди—въ куколъ, въ оловянныхъ солдатиковъ, въ кустарныя игрушки, въ бумажныхъ «плясунъ-алясановъ». Застывали живыя группы и оживали лубки, пѣли картины, вели разговоры статуи. Всего не вспомнишь и не перескажешь, до того это пестро, многообразно, находчиво.

Въ этой фазѣ «Летучей Мыши» на первомъ мѣстѣ были, несомнѣнно, режиссеры и художники. Они выдумывали, они осуществляли. Актеры были ихъ слугами. Это не было какимъ-то засильемъ постороннихъ или служебныхъ элементовъ. Это вытекало изъ самаго характера жанра, какъ онъ культивировался подъ сводами подвала. Но были нужны и актеры, ихъ дарованія и таланты. И они нашлись. Талантливые, искусные, умѣлые, тонко понимающіе и изощрившіе выразительность. Требовалось въ немногихъ штрихахъ, въ немногихъ жестахъ и интонаціяхъ давать характерный обликъ и заражающее настроеніе. Они умѣли это дѣлать. Какъ общее правило, хотя и знавшее исключенія, актрисы были удачнѣе актеровъ. Впрочемъ, это, кажется, вообще общая особенность всякаго «varieté», и стараго «Brettl», и модернизированнаго «Ueberbrettl». Вѣроятно, потому, что тонкое изящество—стихія по преимуществу женская; а мужская стихія—сила, склонная разрывать тонкіе покровы и ломать хрупкія формы. Впрочемъ, можетъ быть, тутъ

«Графъ Нулинъ». Сцены по А. С. Пушкину.

Участники: Н. Хоткевичъ, Я. Волковъ, Т. Дейкарханова.

Занавѣсъ и передняя часть зрительнаго зала.

—и какія-то еще причины. Пусть высказанное останется только мимолетною догадкой...

Артисты въ «Мыши» не спеціализированы по такъ называемымъ амплуа, даже по жанрамъ и видамъ искусствъ. Всѣ—и комики, и лирики; всѣ—и смѣющіеся и плачущіе Пьерро; всѣ—немножко трансформаторы и Фреголи. Всѣ—à tout faire. Всѣ дѣлаютъ все. Играютъ буффонаду и драму, поютъ, танцуютъ, декламируютъ, мимируютъ. Всѣ обязаны быть гибкими и многогранными. Но у каждаго—и своя преимущественная грань, которая играла среди другихъ особенно красивымъ и богатымъ свѣтомъ и составляла его артистическое обозначеніе и индивидуальность. У Маршевой—выразительный танецъ, у Алексѣевой-Месхіевой—задорная пѣсенка, у Дейкархановой—лирическій речитативъ, у Богословской—музыкальный вздохъ и т. д.

Тою севрскою статуэткой съ старинныхъ часовъ, о которыхъ я вспоминалъ выше, была Маршева и, кажется, Гейнцъ. Маршева же была первою въ квинтетѣ синихъ Пьерро, одномъ изъ самыхъ счастливыхъ балетныхъ номеровъ въ программѣ «Мыши», гдѣ было столько увлекательной легкости, плѣнительной выдумки и веселой игры. Она же—героиня «Похищенія Европы», оживленнаго «осколка античной вазы», она же—«негритенокъ». Я называю безъ системы, совсѣмъ случайно то, что съ наибольшей отчетливостью и въ наибольшей полнотѣ красокъ встаетъ сейчасъ въ памяти, когда я возвращаю ее къ прошлому «Летучей

Мыши». Артистка отлично владѣла языкомъ ритмическаго жеста и выразительностью тѣла. Она отлично чувствовала стиль и характеръ. И потому ея балетная миніатюра всегда была не только красивая, но и интересная.

Съ Алексѣевой-Месхіевой на сцену выбѣгалъ шаловливый, непокорный бѣсенокъ красиваго женскаго каприза и милаго задора. То въ каскеткѣ маленькаго мушкатера или тамбуръ-мажора, то въ балахонѣ бѣлаго Пьерро въ «Лунной серенадѣ», то въ деревенскомъ платочкѣ въ оживленномъ лубкѣ. И разсыпалъ по сценѣ пригоршнями яркія, веселыя искорки—улыбокъ, лукавыхъ взглядовъ, серебряныхъ нотокъ, мимолетныхъ слезинокъ. Это тоже было—«вѣчно - женственное», потому что «вѣчно-женственна»—не только Гретхенъ.

Сидя въ глубокомъ креслѣ, подъ мягкимъ свѣтомъ лампы, скорбно говорила Дейкарханова о быломъ, обращая пѣсенки Нодо въ исповѣди «осенней женщины». И было сладко грустно, и набѣгала у зрителя неумѣстная въ «Мыши», среди звона посуды, слеза. Или скорбѣла Дейкарханова, брюссельской кружевницей, объ участи Малина и Брюсселя, объ ихъ онѣмѣвшихъ колоколахъ и разодранныхъ кружевахъ. А то вдругъ всѣ онѣ — и Миньоны, и Фелины, женщины-слезы и женщины-смѣхъ—становились ярко-красочными, малявинскими бабами или, усѣвшись граціозною, радужною группою, кокетливо пускали въ залъ мыльные пузыри и шутки. Я не могу даже мелькомъ обозначить каждую. Только назову талантливыхъ: Хоткевичъ, Гейнцъ, Василенко, Фехтнеръ, Хованскую, Барсову, Туманову и эту милую Резлеръ, которая вдругъ сама такъ жестоко погасила первую зарю своей красивой юности и промѣняла кипучее веселье «Летучей Мыши» на холодъ могилы...

Среди мужчинъ «Мыши»—Астровъ, такъ нравившійся сатиромъ въ моцартовскомъ тріо, Курдюмовъ, Талама, Бурджаловъ, Доронинъ, Гибшманъ, Хенкинъ, Волковъ, Подгорный, въ разную мѣру даровитые, не одинаково гибкіе и интересные, но всѣ остающіеся вѣрными общему характеру «Мыши», разносторонніе, неистощимые, по пять разъ въ вечеръ мѣняющіе лики и характеры. Изъ нихъ самые даровитые—Хенкинъ, у котораго большое чувство юмора и мягкость въ немъ, и Подгорный, настоящій артистъ, умѣющій давать типичные образы. Когда «Мышь» отъ маленькихъ искусствъ стала дѣлать попытки перейти къ «большимъ», когда въ репертуарѣ его появились болѣе сложные пьесы, дарованіе Подгорнаго проявило себя особенно ясно въ гоголевской «Шинели», въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», въ самое послѣднее время—въ дьяволѣ въ «мистеріи» Кузьмина о герцогѣ, проигравшемъ жену чорту.

Только отчасти принадлежали «Мыши», отдавая ей лишь свои досуги отъ другой театральной работы или моменты разрыва съ другими театрами, Борисовъ и Южный, завоевавшіе себѣ репутаціи и полнѣе раскрывшіе свои дарованія не въ «Летучей Мыши», на ея сценѣ только случайные гости.

«Рыцарь, проигравшій жену чорту». Пієса М. Кузьмина.

«Мадонна»—Т. Х. Дейкарханова.

ИТОГИ.

Мнѣ остается досказать немного—то, что у всѣхъ москвичей на свѣжей памяти,—почти сегодняшній день.

Въ Милютинскомъ подвалѣ «Летучая Мышь» прожила пять театральныхъ годовъ, расширивъ тамъ свое помѣщеніе, пристегнувъ къ первой зрительной залѣ, распиравшейся публикою, вторую сбоку. Такъ силенъ былъ наплывъ публики, такъ неизсякаемъ былъ интересъ, возбужденный интимною «Мышью» и поддержанный полуинтимною. Здѣсь «Мышь» изжила до конца полуинтимность и перешла къ порядку открытыхъ дверей, къ спектаклямъ, совершенно публичнымъ, съ общею продажею билетовъ, афишами, анонсами, газетными рецензіями. Понадобились даже «общедоступные» спектакли съ пониженными цѣнами, потому что и малоимущая Москва захотѣла имѣть доступъ подъ веселые своды. За это пятисезоніе завершилась и полная внутренняя трансформація «Мыши», о которой я уже разсказывалъ, отмѣчая ея направленія и характеръ, ея удачи и промахи. Нѣкоторыми интимными эпизодами были «елки» съ юмористическими подарками, вернисажъ, на который Собиновъ далъ картину, писанную горчицей и соями, а Коровинъ пошалилъ импрессіонистскимъ шаржемъ о Качаловѣ, растерзанномъ поклонницами, Тезавровскій изъ Художественнаго театра, оказавшійся мастеромъ каррикатуры, далъ «фрукты»—Марджанова въ видѣ дыни, Леонидова въ видѣ груши и т. д. Эти вечера были ужъ только эпизодами, случайностями на широкомъ пути къ открытымъ дверямъ.

Къ концу жизни въ Милютинскомъ подвалѣ «Мышь» была вполнѣ театромъ, только еще со столами вмѣсто обычнаго партера, безъ нумерованныхъ, чопорно разставленныхъ шеренгами стульевъ. Скоро стало тѣсно и тутъ. Въ боевые вечера никакая вентиляція не помогала. Къ концу такого спектакля было какъ въ банѣ. Градомъ катился потъ. «Мышь» еще разъ переселилась — въ спеціально приспособленный и отдѣланный, какъ настоящая зрительная зала, съ ложами и ярусомъ, съ большимъ фойе, съ особымъ буфетомъ, подвалъ подъ одиннадцатиэтажнымъ небоскребомъ Нирензее, въ самомъ центрѣ Москвы, по сосѣдству съ ея главной, шумно пульсирующей артеріей, Тверской. Позднѣе, подъ давленіемъ нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ страхѣ быть несправедливо и обидно зачисленною въ разрядъ кафешантановъ, «Мышь» сдѣлала послѣдній маленькій шагъ. Столы исчезли, разставили по рядамъ и пронумеровали стулья. Исчезла обстановка «варьетэ». Георгъ Фуксъ врядъ-ли такъ ужъ основательно считаетъ ее очень существенной для самаго жанра, однимъ изъ его нервовъ и однимъ изъ его счастливыхъ преимуществъ передъ обычнымъ театромъ. Подъ сводомъ «Мыши» перестали звякать стаканы и ножи. «Мышь» стала уже театромъ по всѣмъ статьямъ, со всѣми онерами.

А во внутренней сценической жизни самою существенною перемѣною—при томъ также въ направленіи, приближающемъ къ общетеатральному типу,—было все болѣе частое включеніе въ репертуаръ крупныхъ по объему, въ нѣсколько

картинъ, вещей опернаго или комедійнаго характера. Къ этому отчасти толкали и перемѣны во внѣшней обстановкѣ. Но къ этому была и внутренняя тяга. Дѣти непремѣнно хотятъ быть взрослыми и носить длинныя юбки. Любимъ-Торцовъ непремѣнно хочетъ играть короля Лира, Марья Антоновна — Нору, и Кавальери—пѣть въ оперѣ. «Летучая Мышь» непремѣнно хотѣла играть большія пьесы, неудержимо тянуло къ нимъ среди большого успѣха въ маленькихъ вещицахъ. Это стало постояннымъ искушеніемъ, затаенною, тревожащею мечтою.

Искушеніе восторжествовало. Первымъ опытомъ былъ пушкинскій «Графъ Нулинъ», обращенный здѣсь въ комическую оперу для драматическихъ артистовъ и снабженный музыкой талантливаго Ал. Архангельскаго, который къ этому времени вообще сталъ присяжнымъ композиторомъ «Мыши», какъ В. Садовской—ея присяжнымъ либреттистомъ и поставщикомъ литературы. Музыка была оригинальная, интересная, инсценировка, показывавшая сразу весь помѣщичій домъ, занимательная, исполненіе изящное. Зритель не скучалъ, но и не проявлялъ особаго восторга и, сознаться, былъ радъ, когда на смѣну оперѣ, хотя и для драматическихъ актеровъ, пришли «Вешній цвѣтъ» и «Птичій дворъ». Малый успѣхъ не обезкуражилъ, не развѣялъ искушенія. Немного позднѣе была сдѣлана еще болѣе смѣлая попытка — переиспользовать для оперныхъ цѣлей «Пиковую даму». Ал. Архангельскій вступалъ тутъ въ рискованную конкурренцію съ тѣнями прошлаго, съ мелодіями Чайковскаго, которыя у каждаго въ ушахъ. Это была борьба непосильная. Слушатель остался вѣренъ старымъ симпатіямъ, хотя многое въ музыкѣ новаго композитора было очень хорошо—смѣло, своеобразно, свѣжо, красиво, съ вдохновеніемъ. Такая же свѣжесть, смѣлость и вдохновеніе были и въ инсценировкѣ, въ декораціонныхъ и постановочныхъ намекахъ, смѣнившихъ обычную громоздкость оперныхъ картинъ. Краешекъ карточнаго стола, за нимъ нѣсколько игроковъ, одна канделябра, льющая свѣтъ на пестрый шелкъ одеждъ, на пудру париковъ,—и фантазія, подшпоренная такъ, дорисовывала шумный, ликующій Версаль. Траурная свѣча, кусокъ тяжелой парчи —и фантазія дорисовывала торжественный катафалкъ и пышный гробъ. А то, вмѣсто бала,—кружащіеся за запорошеннымъ зимнимъ окномъ силуэты. И была отличная «Пиковая дама», а раньше «московская Венера»—г-жа Дейкарханова.

Въ области драматической въ качествѣ «большого» была, во-первыхъ, гоголевская «Шинель». Она разбилась на нѣсколько выразительныхъ, впечатляющихъ кусочковъ, въ которыхъ старались сохранить и гоголевскій реализмъ, и гоголевскую мистику, въ которыхъ, между прочимъ, старались выразить и душу стараго Петербурга. И отличный Акакій Акакіевичъ, смѣшной, наивный, убогій и трогательный—г. Подгорный. Его не слѣдовало судить по первому спектаклю. Тогда еще не клеилось, точно игра, отлично обдуманная и прочувствованная, еще не попала на рельсы и шла вродѣ какъ по ухабамъ. Я видѣлъ «Шинель» и потомъ, когда актеръ вполнѣ вошелъ въ роль, вѣрнѣе—когда роль вполнѣ вошла въ него. И тогда это было уже плавно, легко, трепетно. Тогда это было уже по настоящему хорошо. Тогда стало ясно, что г. Подгорный—художникъ театра.

Еще шагъ—«Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Тутъ былъ густой комизмъ въ исполненіи, сочность жанровъ и красочность въ передачѣ Украйны. Пахло Миргородомъ, и былъ весь гоголевскій

Труппа театра «Летучая Мышь»

(Чтеніе новой пьесы).

Плакатъ о спектакляхъ.

(1911 г.)

звѣринецъ. Куда меньше повезло съ «Носомъ». Да и что за странная была фантазія обращать это въ пьесу, насильно, разсудку вопреки, наперекоръ литературной стихіи инсценировать неинсценируемое, бѣгущее неизбѣжнаго театральнаго реализма, конкретности? Это было обречено на неудачу и это все время было напраснымъ усиліемъ. Наконецъ, уже почти на самомъ исходѣ десятилѣтія—попытка смѣлая и удачная, осуществить «мистерію», точнѣе средневѣковую «моралитэ», не съ очень большимъ вкусомъ модернизированную г. Кузьминымъ и облеченную имъ въ рифмы, которыя больше годились бы для газетнаго злободневнаго фельетона. Въ постановкѣ, не увлекаясь модернизаціями автора, держались стиля средневѣковаго церковнаго искусства. И Богородица костюмомъ и ликомъ была совсѣмъ ожившее расцвѣченное изваяніе въ церковной нишѣ, или по старинному—витражѣ. Художники и исполнители изъ «Мыши» сумѣли сохранить тутъ чистую наивность. Спектакль радовалъ не только глаза, онъ радовалъ и душу и въ нее, столькимъ смятенную, затормошенную, замученную, лилъ, какъ нѣкій бальзамъ, нѣжность, тишину, ясность чувствъ и упованій.

Вотъ очень краткія напоминанія о главныхъ шагахъ «Летучей Мыши» по пути къ большому искусству, во всякомъ случаѣ—къ большому спектаклю. До совершенства своихъ миніатюръ она тутъ еще не дошла. Но уже умѣетъ быть интересной и увлекательной. Если бури пронесутся благополучно, не изломаютъ—эти шаги, несомнѣнно, будутъ множиться и смѣлѣть. И, можетъ быть... Впрочемъ, прогнозы совсѣмъ не входятъ въ задачу и рамки этого очерка воспоминаній.

Для полноты слѣдовало бы сказать и о «Мыши» внѣ Москвы, о «Мыши»—гастролершѣ. Въ Москвѣ родившаяся, въ Москвѣ развившаяся и окрѣпшая, она захотѣла попытать себя и за московскими предѣлами, взыскала успѣха и славы всероссійскихъ. Но я пишу этотъ очеркъ только по личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ. «Мышь» гастролершей я не видѣлъ. Могу только констатировать, основываясь на словесныхъ и печатныхъ показаніяхъ, на тѣхъ газетныхъ отзывахъ, которые я проглядѣлъ, что «Мышь» рискнула—а рискъ былъ очень большой!—не зря. Петроградъ, хоть онъ и не очень долюбливаетъ московское, принялъ ее ласково, раздѣлилъ московскія симпатіи. И каждая поѣздка «Мыши» къ невскимъ берегамъ была тріумфомъ. Лились въ кассу рѣкою деньги, гремѣли апплодисменты и комплименты; рецензенты иногда и пощипывали, но общій тонъ былъ сочувственный, и похвала, иногда даже восторженная, преобладала.

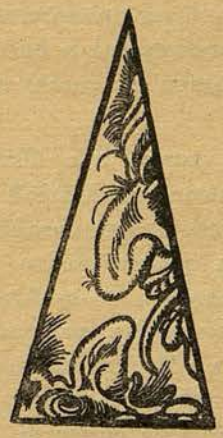
Потомъ «Мышь» тронулась и по провинціи. Побывала въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Екатеринославѣ, Ростовѣ, Тифлисѣ. Такъ получила всероссійскую санкцію.

И во снѣ не снилось такое тѣмъ, которые позднимъ вечеромъ Кассіана, въ 1908 г., спускались по узкимъ ступенькамъ въ незнакомый перцовскій подвалъ. Если бы Н. Ф. Баліевъ былъ великимъ честолюбцемъ, — и тогда его мечта, въ тотъ первый вечеръ, и еще во многіе вечера, не могла бы шагать такъ широко. Но бываетъ, хоть и очень рѣдко, что дѣйствительность оказывается смѣлѣе и щедрѣе всякой мечты...

Къ юбилею полагаются пожеланія. Вотъ мое. Пусть, что случилось, опять случится. Пусть снова дѣйствительность превзойдетъ всѣ мечты «Летучей Мыши»

и осуществитъ немечтаемое. И еще пожеланіе. Оно во мнѣ звучало все время, пока я составлялъ этотъ очеркъ. Пусть, какъ бы ни складывались будущія судьбы, «Мышь» останется вѣрна тому основному, что восприняла при самомъ рожденіи и что провело ее до сихъ поръ такъ благополучно, въ смыслѣ художественномъ, мимо всѣхъ соблазновъ и черезъ всѣ перемѣны погоды.

Н. Эфросъ



Госу арств.
Те тр ьная
Б блиотека.
ХРАН
Шкаф VI
Полка VII
Папка 3
№ 60

Цѣна **25** руб.

Государств.
Театральная
библиотека
ВНЕСХРАН
VI
Шкаф VII
Полка 3
№ 60

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петроградѣ: Магазинъ «Книжный Поставщикъ». Лиговка, 111—113, соб. д.

Въ Москвѣ: Отдѣленіе Акц. О-ва Изд. Дѣла «Копѣйка», Тверская, 19.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

9/VII 42	

Нар. 4 9

Пров. 36